

Елена Ликанова

Глагол
индивидуального
спряжения

Елена Ликанова
Глагол индивидуального
спряжения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507309
ISBN 9785005068507*

Аннотация

Жизнь полна сюрпризов. Приятных и не очень. И этот путь надо пройти, невзирая на потери и разочарования, потому что никогда не знаешь, что тебя ждёт за поворотом. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	92
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Глагол индивидуального спряжения

Елена Ликанова

© Елена Ликанова, 2019

ISBN 978-5-0050-6850-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Шампанское из огурцов.

«То, чего мы избегаем, может оказаться тем, что нам нужно на самом деле. А то, к чему мы стремимся, может нас погубить» – фраза из какого-то сериала.

Знакомство.

«Если Вы так будете обращаться со своим молодым человеком, он на Вас никогда не женится!» – слышу я голос у себя за спиной в тот момент, когда тыркаю Афанасия, чтобы он не считал ворон, а картошку в пакет накладывал. Дело происходит в маленьком овощном магазинчике. «Этот молодой человек – мой сын», – оборачиваюсь, смеясь. Передо мной невысокого роста пожилой человек с растрёпанными седыми волосами и бородкой клинышком. Взгляд пронзительно-колкий, глаза как льдинки. Одет мужчина весьма экстравагантно – длинное..., н-нет, – слишком длинное чёрное пальто, которое практически достаёт до земли, шапочка, торчащая вверх колпачком, и в довершение всего – мокасины! Да, да, мокасины. Только... тёплые, зимние. Размера сорок седьмого, не меньше. На дворе прохладная осень. «Что нужно этому дедушке?» – жестами спрашивает мой сын. Он слабо слышащий. «А что, Ваш сын глухонемой?» – задаёт

вопрос мужчины. «Нет такого понятия – глухонемой, – поясню слегка раздражённо, – есть глухие и слабо слышащие. А говорить они все умеют! Афанасий, поздоровайся с дядей!» С сыном я общаюсь жестами. Закончила курсы в своё время. «Здравствуйте», – произносит не очень уверенно, но вполне сносно, Афоня. «Афанасий? А помните, в том фильме...» «Помню, – сержусь я ещё больше, – каждый встречный-поперечный, как услышит, что моего сына зовут Афанасий, сразу цитирует эту фразу: „Афоня! Ты мне рубль должен!“ И Вы туда же?» «Ладно-ладно, – примириительно машет руками мужчина, – извините. Значит, сына зовут Афанасий. А Вас как?» «Лена». «Очень приятно. А я – Александр Андреевич. Будем знакомы. Кстати, по поводу картошки. Она тут двух видов. Если будете брать, чтобы пожарить, то покупайте курскую, а если варить – саратовскую. Она более рассыпчатая получается». «Спасибо, – говорю, – Вы, я вижу, много всего знаете». «Так давно живу. Работал инженером, открыл множество сталеплавильных заводов по всей России. И даже за границей. Имею запатентованные изобретения, правительственные награды... Был женат. Дважды. Двое детей. То есть, было двое... Теперь только младший сын остался. Старший погиб. Но обо всём этом как-нибудь потом поговорим, когда снова встретимся». «А почему Вы так уверены, что мы ещё встретимся?» «Обладаю даром предвидения!» «Ясно, псих какой-то очередной, – подумала, – вот имею я талант притягивать разных ненормальных!»

«Да я пошутил, – рассмеялся Александр Андреевич, видимо, заметив на моём лице отражение этих мыслей, – мне кажется, я Вас видел как-то выходящей из подъезда сорок девятого дома, что стоит прямо вдоль проспекта». «Ну да, это могло быть, – киваю, – я живу в сорок девятом». «Вот видите, как всё просто! А я – в пятьдесят первом. По соседству с Вами, получается. Так что наши шансы никогда больше не встретиться практически равны нулю. Ну, ладно, пойду я дальше по своим делам. До свидания! Не напутайте с картошкой. Для жарки – курская!»

Захаживай!

На следующее утро сын заявил, что в школу не пойдёт, потому что у него болит горло. «Ладно, – говорю, – тогда идём в поликлинику, надо показаться врачу». Собрались, пошли. Путь лежал через двор пятьдесят первого дома. «Куда это вы в такую рань?» – услышала я, когда мы проходили мимо небольшого дворового оазиса, состоящего из четырёх, развёрнутых друг к другу, скамеечек и двух клумб с не известной миру растительностью. Александр Андреевич, собственной персоной. Восседает на одной из скамеек и в каких-то железках ковыряется. «Здравствуйте, – подхожу поближе, – мы в поликлинику идём с сыном. А Вы чем тут занимаетесь спозаранок?» «Я пытаюсь деньги сделать из воздуха, – заявляет мой собеседник, – вот сижу, трансформатор разбираю. Медь и другие металлы из него выну и отнесу в пункт приёма вторсырья. Кстати, можешь как-нибудь со мной прогу-

ляться, ради любопытства. Вряд ли, ты в таком месте бывала когда-то. Ничего, что я „на ты“ перешёл?» «Нормально, – говорю, – вполне». «Ты мой номер телефона запиши. И свой мне дай. Может, и пригодимся когда друг другу». Обменялись мы номерами телефонов, и продолжила я с Афанасием путь в поликлинику. «Да! Это место культовое! – крикнул вдогонку Александр Андреевич, – Здесь вся местная молодёжь собирается. Называется оно – „четыре лавки“. Ну это так, чтоб ты знала. И я тут частенько бываю, с молодёжью общаюсь. Так что ты захаживай к нам!» «Спасибо! Буду захаживать!»

Жорик.

«Лен, – звонит через несколько дней Александр Андреевич, – я тут железку одну на металл сдал, деньги появились, в магазин собрался за продуктами. Тебе не надо туда? Может, вместе ходим? А то одному уж больно скучно идти». «Давайте, конечно, ходим вместе, я как раз собиралась выйти из дома», – отвечаю. «Ну, хорошо, я на „четырёх лавках“ тебя жду. Покурю пока». Прихожу на место встречи, вижу – Александр Андреевич с каким-то парнишкой молодым худощавым разговаривает. «Здравствуйте! – вскакивает парень, завидев меня, – меня Жора зовут, – и улыбается лучезарно, – ну, ладно, дядь Саш, побегу я». «Жизнерадостный парень! – говорю я, – вот у кого, наверное, никаких проблем нету». «Да уж, – крихтит Александр Андреевич, – попала пальцем в небо. „Самый удачливый человек на Земле“. У него дома

две старухи лежат, не ходячие, – мать и тёща, он за ними ухаживает, до работы и после. Работает он электриком, так что на сиделку денег, сама понимаешь, нет. А в обеденный перерыв он бежит к жене в больницу – ей недавно операцию на сердце сделали. А ещё у него сынишка пятилетний, он его должен утром в садик отвести, а вечером забрать, и поесть ему приготовить. Да ладно, Лен, ты чего скисла? Всё нормально. Он чего подошел-то? Его попросили мотоцикл починить, а он не знает некоторых тонкостей. Так я ему подсказал, он денег получит за это. А на днях я ему помог машину соседу отремонтировать, тоже денег ему перепало. Я его не брошу, я же его с детства знаю, как и многих ребят из моего дома». «Александр Андреевич! – говорю, – Но Вы же сами бедствуете, как я вижу! Как же так?» «Да мне много ли надо, Лен! Сигареты только, а ем я как воробей. И вообще, перестань тут тоску нагонять, настроение мне портить! Давай, пойдём уже в магазин, там скидка сегодня, картошку по двадцать пять рублей привезли!»

Прогулка с целью.

Вчера вечером захотелось прогуляться. Звоню Александру Андреевичу. «Ладно, если ты так хочешь, то пойдём погуляем, но с какой-нибудь целью», – говорит мне мой необычный знакомый. «И с какой же целью мы пойдём гулять?» – спрашиваю я. «Ну, ты куда хочешь пойти?» «В парк, например». «Если в парк, тогда – за грибами. Одевайся теплее, к ночи будет прохладно», – возвещает мой друг. И так,

наш улов – пять сыроежек и два (не помню названия) гриба, которые, как сообщил Александр Андреевич, можно только солить, а также – прекрасный букет луговых цветов и яркие впечатления от детских рисунков на асфальте. Вечер удался.

«А что делать с грибами будем?» – спрашиваю я, когда мы уже подходим к дому. «Как – что? Сходим завтра снова в парк и скормим их белкам».

Утро-вечер.

«Ну что, пойдём белок грибами кормить?» – звоню на следующее утро Александру Андреевичу. «Нет, Ленка, сегодня не пойдём. Вот ты спала, а я с утра пораньше отнёс в пункт приёма металла печатную машинку и получил триста рублей. Купил на них рыбу и картошку. Уху варить буду. Рыбу я уже почистил, приходи в гости через часок-другой, я тебя буду поражать своим владением кулинарным искусством». Ого, да я получила доступ в святая святых – жилище Александра Андреевича! А живёт он, по его рассказам, в комнате в коммунальной квартире, в доме, соседнем с моим. Я пока Афанасию обед приготовила, ещё какие-то дела сделала... Есть не стала ничего, чтобы аппетит перед ухой не перебивать. Прихожу к Александру Андреевичу. Он сразу с порога мне говорит: «Ты только не пугайся и в обморок не падай. Хотя... упасть тебе некуда будет». И открывает дверь в свою комнату. Мда-а-а-а, упасть там не то, что мне, а и яблоку негде. У одной стены – кровать, у других – шкафы, забитые книгами и коробками (с радио деталями, как пояснил Алек-

сандр Андреевич). Посередине комнаты – стол, тоже заваленный какими-то вещами. Ну, и на полу тоже – коробки какие-то, швейные машинки, магнитофоны древние, доски, инструменты, в общем – красота неопишуемая! На свободном пятачке пола у стола стоит табурет, на который взгромоздается Александр Андреевич, а меня сажает на кровать, сам же ...начинает чистить картошку. Делает он это медленно и вдумчиво, потому что он её не чистит, а скребёт, чтобы ни миллиметра ценного продукта не пропало. «Может, я Вам помогу картошку чистить?» – спрашиваю. «Э-э-э, нет, – отвечает Александр Андреевич, – уху мужчина должен готовить сам. От начала и до конца». Примерно минут через сорок... мой желудок издаёт предательское урчание. Александр Андреевич в отчаянии бросает ножик на стол и говорит: «Знаешь что, Лен, я не умею торопиться, у меня ритм жизни такой, размеренный. Так что уха будет у меня готова только поздно вечером, ты тогда с кастрюлькой приходи, я тебе налью на пробу. А сейчас пойдем в кафе, я тебя комплексным обедом накормлю, потому что ты очень голодная, судя по всему, а мои оставшиеся двести рублей, всё равно, мне погоды не сделают. Я завтра ещё какую-нибудь железяку отнесу и на металл сдам». И мы пошли в кафе. Обед, кстати, вкусный был.

Десять часов вечера. Звонок телефона. Александр Андреевич. «Лен! Ну, что, я суп доварил. Сейчас будем ужинать». Напомню, что варить его он начал в одиннадцать утра.

«Александр Андреевич! – говорю я замученным голосом, – у меня знакомый погиб сегодня, я наглоталась успокоительных, в ванной потом ещё отмокала, нет у меня сил никуда идти!» «А тебе и не надо идти. Мы сами сейчас придём. С супом».

И пришли. Сидим. Едим суп. «Всё-таки, жизнь полна какого-то трагикомического абсурда, – думаю я, с удовольствием поедая принесённую Александром Андреевичем уху, – сижу посреди ночи с малознакомым дедом и ем приготовленный им суп. Бред какой-то!» Но мне несомненно легче. «Надо же, как моя жизнь налаживаться стала, – говорю, – Вы меня сегодня и обедом, и ужином покормили!» «Ну, ты губу-то не раскатывай! – аж поперхнулся Александр Андреевич, – каждый день я тебе таких праздников не обещаю!» «А хотите я Вам помогу в комнате разобраться?» – спрашиваю я, преисполненная благодарности за проявленную ко мне отеческую заботу. «Ни в коем случае! – заволновался от моего благородного порыва Александр Андреевич, – Тебе и терпения-то не хватит!» «Почему Вы так думаете? – говорю, – Я после прежних хозяев на даче столько выбросила всякого хлама!» «Вот-вот! Так вы, женщины, и разбираете вещи – схватила и понесла на помойку. У меня же всё совсем по-другому. Возьму я, к примеру, в руки редуктор, сяду с ним и буду три часа думать, нужен он мне или нет? Разве у тебя хватит терпения ждать, пока я приму решение? Ты ешь суп-то, ешь! Вкусно?» «Вкусно». Вкушаем пищу даль-

ше. «Александр Андреевич, – вдруг спрашиваю я, – а Вы верующий?» «Крещёный. И в роду у меня много было священников... А так, чтобы воцерковлённый – это нет. Но если ты, Ленка, замуж выходить надумаешь за хорошего человека и будешь венчаться с ним, то я вполне могу тебя к алтарю вместо отца повести. Если ты об этом».

Аромат счастливой молодости.

«Лен! – звонит Александр Андреевич, – у тебя сумки на колесах нет ли случайно? Хочу железяки кое-какие отвезти в пункт приёма металлолома». И ведь как знал. У меня после смерти родителей этих тележек осталось штук пять. Одну, самую новую, рука не поднялась выкинуть, лежит на антресолях. «Заходите, – говорю, – забирайте, отдам с радостью. Заодно поможете мне тут в одном деле разобраться». «Ну, что там за дело у тебя, рассказывай», – вопрошает с порога Александр Андреевич. «Да вот купила духи и не могу понять – нравятся они мне или нет. Понюхайте – Вас не раздражает этот аромат? Он приятный?» Александр Андреевич сосредоточенно принюхивается к моему запястью, на которое я брызнула духи. «Ты знаешь, нет, не раздражает. Даже нравится очень. Что-то в нём есть такое родное, знакомое. Понять только не могу – что?» «Ну, ладно, – говорю, – главное, что не вызывает отторжения». Простились мы, ушел Александр Андреевич. Звонит через минуту по телефону: «Лен! Я понял, что мне твои духи напомнили. Канифоль!!! Я же радио техникой занимался всю жизнь. Такой родной

запах! Прямо в годы моей счастливой молодости меня вернул!».

Рыбки-прилипалы.

«Вот вы женщины, ведь, по сути своей кто?» – разглагольствует Александр Андреевич, сидя на лавочке рядом со мной. «Кто же?» – настораживаюсь я. «Вы все по сути – рыбки-прилипалы. Выбрала себе мужика – и прилипла!» «А, может, оно и неплохо, что мы так устроены? Ведь сказано же: «Да прилепится жена к мужу», – стараюсь я свернуть в позитивное русло. Но у Александра Андреевича обострение гастрита на почве второго развода, так что мои слова остаются не услышанными. «Понимаете, – неловко утешаю его я, – это ведь не только у людей, вон посмотрите, как берёза яшень прихватила, аж выросла в него. А, может, он и не против, а?»

То ли овощ, то ли фрукт этот твой орех.

В местный овощной магазинчик завезли авокадо, продают по дешёвке. «Александр Андреич! – звоню я своему другу, – Вы авокадо едите? Купить Вам?» «Ну... – мнётся Александр Андреевич, – помню что-то такое, вкус какой-то... ммм, кисловатый, кажется...» «Ясно, я Вам занесу на пробу одну штучку, если понравится – ещё куплю». Я авокадо очень люблю. Подсадила меня на сей экзотический фрукт (или он овощ, уж не знаю) сестра, когда я у неё во Франции гостила много лет назад. И могу я есть его тоннами. Но я понимаю, что это на любителя. Помнится, одна бабуся в магазине ругалась – мол, что за штука такая? На вкус

мыло-мылом. Принесла я, тем не менее, авокадо Александру Андреевичу, он поблагодарил, хитренько заулыбался и вручил мне пакет, в котором была тщательно упакованная в газеты кастрюлька. «Это чтобы супчик не остыл. Попробуй. Предыдущий рыбный был, а это – овощной. С цветной капустой». На том и расстались. Вечером я супчик поела – м-м-мм! Объедение. Звоню Александру Андреевичу, спрашиваю: «Ну, что? Как авокадо? Пробовали?» «Да, – отвечает он, – вкусный орех твой, я его от кожуры и мякоти очистил, на тёрке измельчил и в салат добавил – на каштан похоже по вкусу». Я так с телефонной трубкой возле уха и замерла. То есть, он косточку от авокадо съел! А в ней, насколько я помню, синильной кислоты огромное количество! «Дядь Саш! – говорю я дрожащим голосом, – ты только не волнуйся. Если тебе вдруг станет нехорошо, ты вызывай скорую и мне звони сразу, а я сейчас почитаю в интернете, что нам с Вами грозит». И бросилась читать википедию.

«Косточка авокадо содержит токсины, синильную кислоту..., но для жизни не опасна. (фух). Если вы съели её, у вас случится сильное расстройство желудка и возможна аллергия. Советуем принять супрастин». «Дядь Саш, отбой, – звоню снова Александру Андреевичу, – ты только предупреди соседей, чтобы туалет сегодня надолго не занимали!».

Прапор.

Звонок телефона. «Подходи на „четыре лавки“, – загадоч-

ным тоном без здарсьте говорит Александр Андреевич, – я тут кое-что нашёл интересное, покажу тебе». Прихожу, подсаживаюсь рядом на лавочку, дядя Саша достаёт из сумки несколько не очень больших плодов, похожих на зелёные грецкие орехи, только больше по размеру и формы немного более вытянутой. «Вот, смотри, это я в нашем парке набрал, под деревом. Похоже, это твоё авокадо. Только оно в нашем климате мелкое получается. Тепла, видать, мало ему. Пойдём завтра ещё наберем?» «Это, – говорю, – не знаю, что за плоды, дядь Саш, но точно не авокадо. И я Вас очень прошу, пока я не выясню, что это, не пробуйте это съесть!»

«Эй, Прапор, иди сюда!» – кричит вдруг дядя Саша кому-то. И к нам подходит крепкий коренастый мужчина лет тридцати пяти, одетый в камуфляжную куртку. «Меня Саша зовут, – сразу обращается он ко мне, – хотите услышать мою историю?» Услышать чью-то историю, вы шутите? Да, конечно же, хочу! «Только если Вы хотите, чтобы и я Вас слышал, садитесь справа, – говорит Саша, – потому что на левое ухо я практически глухой, мне его практически совсем оторвало». «Как это так?» – спрашиваю. «Ну, Вы ведь уже слышали только что, что у меня прозвище „Прапор“. Это потому, что у меня звание „старший прапорщик“. Остался на сверхсрочную службу, а тут Чеченская кампания. И попал в самое пекло. Что интересно и смешно даже – попал всего на один день». «И как же это Вам удалось?» – удивляюсь. «А вот так. Едем мы на БТР-е к месту дислокации через один кишлак.

Вижу – мальчик в пыли у дороги играет, бьёт лопаткой по какой-то штуке. Оказавшейся при ближайшем рассмотрении противотанковой миной. Я из БТР-а выпрыгиваю, мальчика в охапку – и в сторону. Тут как рванет! Хорошо, что я в бронежилете был. Но, всё равно, меня контузило. Ухо вот почти совсем оторвало. А мальчишке тому, слава Богу, ничего. Меня сразу в госпиталь на операцию. А там, как назло, – студенты какие-то, практиканты. Замучился, пока мне ухо зашивали. Каждую минуту: „Доктор, подождите, дайте нам посмотреть!“, „Доктор, подождите, мы не успели записать!“ У меня уже наркоз отходит, а им всё неймётся. Ох, и наорался я на них тогда матом! Ну а после сразу меня и комиссовали. Вернулся в Москву». «И кем же Вы теперь работаете?» – спрашиваю. «Закройщиком!» – гордо заявляет Прапор. «В ателье одежду кроите?» – удивляюсь. «Да нет же! Закройщиком автомобильных фильтров. Вот уволюсь, и не будет у вас чистого воздуха, весь загрязнят», – смеётся. «Ой, а зачем это вам маньчжурские орехи понадобились? – безо всякой паузы продолжает болтать Прапорщик, – поделки мастерить?» «Маньчжурский орех?» – восклицаем в один голос мы с дядей Сашей. «И что, он съедобный?» – спрашивает Александр Андреевич. «Нет, но из него разные украшения можно делать, у него срезы очень красивые. Если, конечно, Вы его распилить сможете. Он прочный очень, ни одна пила не возьмёт». «Ничего, придумаем, как распилить. Завтра же пойдём и наберём мешок этих орехов, – воодушевился дя-

дя Саша, – мы с тобой, Ленка, бизнес откроем. Будем бу-
сы и другие украшения из этих орехов делать и продавать.
И озолотимся. Начнём жить как люди». Интересно, что он
под этим «как люди» подразумевал?

Чёрная полоса Фархата.

«Лен! – звонит мне взбудораженный Александр Андре-
евич, – приходи на „четыре лавки“. Срочно!» Прибегаю.
«Лен! Я паспорт нашёл!» «Какой такой паспорт?» «Ну ка-
кой бывает паспорт? – Документ». «И чей?», – интересу-
юсь я. «Какого – то не то Фаруха, не то Фархада. Молодой,
двадцать четыре года, родился в Ашхабаде, зарегистрирован
в Подмосковье. Может, пробьёшь его по интернету?» «Лад-
но, не вопрос. Небось, где-то в социальных сетях он есть.
Напишу, что Вы его паспорт нашли, он с ума сойдет от радо-
сти». «Лен, а у него в паспорте три банковские карточки, ты
можешь про...» «Стоп! Александр Андреевич, давайте так –
я сейчас вот этого, что Вы про кредитки сказали, не слыша-
ла. Я знаю, какие у Вас стеснённые обстоятельства, но... это
называется воровство!» «Ладно, – сопит дядя Саша, – тем
более, у него вряд ли там деньги есть, тут в паспорте распис-
ка лежит, он ремонт делал кому-то и напортачил, так ему
штраф теперь выплачивать огромный». Зашла я в социаль-
ную сеть и сразу обнаружила этого Фархата. И что же я про-
чла на его странице? «Мир не приносит ни добра, ни зла сам
по себе. Он безразличен к человеку. Всё происходящее во-

круг нас – всего лишь отражение наших собственных мыслей, чувств, желаний и поступков. Мир – это большое зеркало». Списались-созвонились мы с этим Фархатом, договорились о встрече. Речь у него правильная, общение интеллигентное. «У меня чёрная полоса какая-то! – говорит, – Паспорт потерял, телефон не ловит, на работе штраф выплачивать огромный!» А я в ответ (как водится, с высоты своего «столетнего» опыта: «Чёрная полоса, молодой человек, это когда твои родные люди умирают один за другим, когда кто-то из близких болен, а ты ничем не можешь помочь, когда ты сам умираешь от неизлечимой болезни, а столько ещё хотел сделать... А твоя так называемая „чёрная полоса“ – это просто мелкие неприятности, о которых и думать не стоит!» А что, не так, что ли?

Изобретая велосипед.

«Алло, Лен, – звонит Александр Андреевич, – ну, мы пойдём собирать маньчжурский орех или как? Сегодня, по слухам, последний тёплый день осени. А то вот помру, а ты так и не узнаешь, где у нас в парке это дерево растёт». «Ну давайте, пойдём, – лениво потягиваюсь, – солнышко светит, погода шепчет, отчего бы не погулять». Приходим в парк, идём по главной аллее, и нас то и дело обгоняют велосипедисты. «Ты знаешь, Ленка, – разглагольствует Александр Андреевич. – а ведь я ещё в тысяча девятьсот семьдесят втором году смастерил свой первый складной велосипед. У нас тогда таких не делали ещё. Я взял основу от детского велика, тако-

го, с надувными колёсами, помнишь?» «Не-а, не помню», – мечтательно отвечаю я, глядя в ясное голубое небо. «Так я к нему не просто колёса от „Камы“ приделал, я ещё ему поршневую переднюю тягу смастерил. Для усиления, чтобы в горку ехать легче было. Понимаешь?» «Не очень, – говорю, – а с горки на какой тяге едут?» «С горки удобнее на задней тяге, а в горку – на передней. Как баржа двигается по реке, знаешь?» «Не-а...» «Если вниз по течению, то буксир прикрепляют сзади, а если вверх, то спереди». «Ну и что? – продолжаю медитировать я, – а по равнине-то как велосипед едет, на какой тяге?» «Лен, а ты вообще знаешь, как велосипед устроен?» «Ну как – рама, два колеса, педали, мы их крутим, два колеса вертятся...» «Лен..., – опешил дядя Саша, – а ты посмотри внимательно, вон женщина на велосипеде мимо нас едет». Смотрю. И тут я, наконец, выхожу из состояния нирваны: «А-ха-ха-ха-ха-ха-ха! Так мы только заднее колесо крутим, оказывается! Вот это да!» «Лен, а ты что, не знала?» «Да, как-то в голову не приходило, не задумывалась! А-ха-ха-ха-ха! А Вы, значит, мои разглагольствования слушали про квантовую механику и многомерное устройство мира, а то, что я как устроен велосипед не знаю, не подозревали? А-ха-ха-ха-ха!» «Лен! – засмеялся тут и дядя Саша, – так я же теперь никакого морального права умирать не имею. Ты ведь, наверняка, ещё множество таких же простых вещей не знаешь! Я же про них тебе обязан поведать!»

Книга – лучший подарок.

Вечер. Звонок. Александр Андреевич: «Лен! Пойдём погуляем!» Идём. Гуляем. «Вот ты, Лен, чего бы хотела на данный момент жизни?» «Я бы хотела, – говорю, – прочесть что-нибудь философское, при этом ещё и жизненное и что-бы, плюс ко всему этому, ещё и научиться чему-то новому». «Ну, ты загнула! Сама-то поняла, что сказала? А я вот пирога с капустой хочу! – смеётся дядя Саша, – Но у меня определённо есть для тебя такая книжка, как ты хочешь». И достаёт из сумки «Кодекс воровской жизни».

Йес, ит из нот.

Когда мой папа не мог понять, что от него хочет мама, он на вопрос: «Ну ты понял меня?» отвечал по-английски (с английским юмором): «Йес, ит из нот, мем!»

«Алло, Лен! – звонит Александр Андреевич, – выйди к „четырем лавкам“, я тебя с прошедшим днём рождения поздравлю, подарочек вручу!»

«Ой, а я по магазинам пошла, совершаю круг по району, но я потом подойду, через полчаса». «А ты какой дорогой будешь возвращаться?» «Через рынок, что у кинотеатра, потом по бульварчику и дворами через общагу, а что?» «Да так, ничего, пройди лучше через детскую площадку, которая у бывшего ателье на углу, так быстрее будет. Через полчаса я буду тебя ждать на «четырёх». Иду предложенным маршрутом, задумалась, смотрю под ноги, вдруг резко останавливаюсь. На подходе к детской площадке по пути моего следования надпись «С днём рождения, Ленка!»

Прихожу к «четырем лавкам». Александр Андреевич уже ждёт. Чмок-чмок-чмок – целует в щёки: «Давай свою руку!» Протягиваю, вешает на запястье браслетик из разноцветных камешков. «Вот, с днём рождения! Нравится?» «Да, красивый. Спасибо!» «Тогда теперь ты меня целуй!» «Вот ещё! И вообще – Вы чего такой взбудораженный сегодня?» «По женщинам соскучился!» – признаётся он. «Так я это... не женщина», – выпаливаю вдруг. «А кто же – мужчина, что ли!?» – хмыкает дядя Саша. «Ну, нет, я не то хотела сказать. Я не женщина и не мужчина, просто человек. В нашем с Вами контексте». «А, ну в нашем с тобой контексте и я не мужик и не баба, а просто человек! – смеётся Александр Андреевич, – и живем мы с тобой тогда, Ленка, в стране под названием Америка». «Это ещё почему?» «Да потому, что они у себя деление по половому признаку отменили недавно. И теперь они все «оно». «Да ладно, – говорю, – а как же «мен» и «вумен»?» «Нету менов и вуменов больше, Ленка!» «А кто есть?» «Есть некто под название «ит». «Так ведь это же про неодушевлённые предметы так говорят». «Про них я не знаю, врать не буду, а мы с тобой человеки, количеством две души. Ты, кстати, моё поздравление на асфальте прочла, душа моя? Всё утро сегодня буквы рисовал, умаялся».

Квантовая механика в действии.

Утро. Сидим и смотрим друг на друга – я и упаковка снотворного, упаковка снотворного и я. Родители умерли, лю-

бимый ушёл... десять лет назад, сын вырос, смысл утерян... Звонок телефона. Александр Андреевич: «Лен, хочешь, прогуляемся куда-нибудь?» Тьфу ты! Всё настроение исправил! Не даёт умереть спокойно. Пошли мы в парк. Идём и разговариваем на нашу любимую тему – о квантовом строении Вселенной. «Ты понимаешь, что наша реальность, – заканчивает очередную тираду Александр Андреевич, – это то, что в нашей голове, мы её можем сами моделировать!» «Ага, – говорю, – что-то не очень убедительно. Вас вот ваша нынешняя реальность разве устраивает? А Вы её что-то не шибко смогли заново смоделировать». «Ты понимаешь, Ленка, у меня феноменальная память, я в ней храню каждое мгновение своей жизни, и мой „жёсткий диск“ уже забит до отказа информацией о прошлом, в нём нет места для нового. А как его почистить, я не знаю. А вот у тебя должно получиться. Ты молодая, импульсивная, сделала – забыла». «Это что же получается? По вашим словам выходит, что если я сейчас захочу, чтобы в этом парке было полно съедобных грибов, хотя они тут отродясь не водились, а если и водились, то давно исчезли, так они тут и появятся по моему желанию?» «Если очень захочешь, то да! – отвечает Александр Андреевич, – Стой! А вон там это что виднеется?» «Подосиновик, кажется», – изумленно шёпотом произношу я. Через пять часов мы вышли из парка с большим пакетом грибов.

Кто хочет не стать миллионером.

После двухнедельного перерыва звонит Александр Ан-

дреевич: «Лен, не хочешь прогуляться со мной до приёмного пункта металла? А то мне одному скучно идти». «Хорошо, – говорю, – кстати, мои соседи выставили в подъезд металлический каркас от гладильной доски, могу Вам его принести. Только я сама не понесу, а Шурика, моего квартиранта, попрошу помочь, заодно он с нами прогуляется, Вы не против?» «Конечно, не против. Приходите к «четырёх лавкам». Волочёт Шурик доску, а на лице его написан ужас – во что же он такое ввязался? Шурик натура тонкая, творческая, он поэт. Меня попросили сдать ему комнату друзья из Костромы. Сказали, что там он жить больше не в силах. Он единственный хиппи на весь город, и его местная шпана обижает. Добрались мы с Шуриком до «четырёх лавок», Александр Андреевич уже ждёт нас с тележкой, гружёной металлическим хламом и пакетами с жестяными банками из-под пива и прочих напитков. Шурик посмотрел на всё это с презрением и брезгливо вручил дяде Саше гладильную доску. Тот привязал доску к тележке, и мы пошли потихоньку. «Ты, Саша, не смотри на меня таким взглядом, – говорит Шурику спокойно Александр Андреевич, – ты думаешь – кто перед тобой? Перед тобой человек с двумя высшими образованиями, бывший главный инженер завода, запустивший с десятков производств по всей стране. Так что лучше задумайся и не зарекайся. Вот доживёшь до моих лет – может, в такой же ситуации окажешься!» «Стоп, стоп! – миротворчески встречаю я, – дядя Саша, не надо таких пророчеств. Может,

всё будет хорошо, и через пару лет мы все станем миллионерами!» «Ну уж нет! – впервые за время пути улыбнулся тут Шурик, – Не надо такого счастья! Ведь тогда мы не сможем так вот запросто гулять и болтать обо всякой ерунде, а станем боязливо оглядываться и ждать выстрела из-за каждого куста». Повисла пауза. Никто не ожидал от Шурика такой пламенной речи. «Кстати, – продолжил он, как ни в чём не бывало, – вон банка из-под пива лежит. Давайте я для Вас, дядя Саша, её подниму, добавьте её к своему улову».

Грибы врагу.

«Александр Андреевич! – говорю я, – По-моему, грибы в рагу были лишними». «Какому врагу?» – удивился дядя Саша.

Андрей.

«Знаешь, давай сегодня не по своим обычным закоулкам парка бродить, а как все – дойдём до пруда с усадьбой, – предлагает Александр Андреевич, когда мы в очередной раз прогуливаемся вдвоём, ведя философские беседы, – уже вечерет, а в лучах закатного солнца усадьба особенно красива». «Конечно, давайте пойдём!» – радуюсь я. И мы пошли. Там везде на берегу на скамеечках влюблённые пары обнимаются, стайки подростков носятся вдоль пруда, мамы с колясками чинно фланируют, старички со старушками кормят уток. Лепота. «Здравствуйте, дядя Саша!» – окликают Александра Андреевича сразу несколько голосов со стороны одной из лавочек. Подходим ближе. Двоих из компа-

нии я знаю – это Жорик и Прапор. С ними ещё девушка и парень. Молодой мужчина, точнее сказать, потому что на фоне ребят он выглядит старше и серьёзнее. «Дядя Саша, представь свою спутницу тем, кто с ней ещё не знаком!» – манерничает, вихляя всем телом, егозливый Жорик. «Это Елена, моя подруга», – возвещает дядя Саша. «Катя», – протягивает мне руку по-мужски девушка. «Катя у нас в полиции работает, так что не балуй, Ленка, а то закроет!» – смеётся дядя Саша. «А это...» «Андрей, – опережает его сдержанный молодой мужчина, – приятно познакомиться». «Ну, мы пойдём, до свидания, приятного отдыха», – прощается вскоре дядя Саша. Идём некоторое время молча. «Мне показалось, Андрюха на тебя запал, – прерывает молчание Александр Андреевич, – ты присмотришь к нему, он мужик-то хороший. Работает водителем у одного местного предпринимателя. Мама у него болеет, ухаживает он за ней. А жена ушла. И дочку с собой забрала. В другой город они уехали. Тоскует он. Ему бы человека близкого». «Дядя Саша, – говорю, – ну что за поворот разговора?» «А как же? Мне же тебя замуж выдать надо? Надо. Но только за хорошего человека. Вот я и размышляю, как бы это всё устроить». «Это, – говорю, – Вас, наверное, последние дни золотой осени так опьянили». «Опьянили, да. Кстати, про пьянство у меня замечательная история имеется. Благодаря ему я чуть не стал главным инженером завода в Пекине. Пойдём, присядем на лавочку, я тебе расскажу, как дело было».

Последнее китайское предупреждение.

«Лен, ты вот сколько раз за границей бывала?» – начинает свой рассказ с вопроса Александр Андреевич. «Довольно много, а что?» «А я, Лен, всего один раз. Но этот раз мог изменить всю мою жизнь. Однако..., всё по порядку. В две тысячи пятом году я и группа моих сотрудников по научно-исследовательскому институту были отправлены в командировку в Китай для подписания договора о поставках им на заводы нашего оборудования. В нашу задачу входило протестировать опытную партию оборудования и продемонстрировать китайской стороне, что оборудование качественное и готово к эксплуатации. Я был руководителем нашей делегации. С китайской стороны были представители заводов и ещё какие-то шишки из тогдашнего правительства. Потому что, это был государственный заказ. Ну, и сама понимаешь, – каждый день распланирован, с утра я лекции их инженерам читал, днём мы оборудование тестировали, а после трудов праведных... тестировали их спиртные напитки..., потому что, Лен, каждый божий вечер – приёмы, встречи и фуршеты. А как же без этого? И вот, сидим, значит, мы в первый вечер, наливают нам sake ихнего, а оно, Лен, сорок шесть градусов крепости. И по вкусу – самогон самогоном. Правда, они наливают его в такие крошечные чашечки, что, вроде бы, терпимо. Где-то после третьего тоста меня вдруг представитель китайской стороны спрашивает – мол, правда ли, что русские могут водку стаканами пить и не за-

хмельть? И что делать, Лен? Никак нельзя ударить лицом в грязь перед китайскими товарищами, я и отвечаю: „Всё чистая правда, несите сюда стакан, я вам сей феномен продемонстрирую“. Принесли стакан, налили, я встал, по гусарски стакан на локоть поставил и выпил. Выпил и чувствую – sake ихнее у меня обратно просится. Я скорее в туалет побежал... Возвращаюсь трезвый. Из моей делегации уже в живых никого, все под столом валяются или мордами в салате. А я трезвый как стеклышко. И они, китайцы, смотрят на меня восхищённо и опять наливают и наливают. Но тут, на моё спасение, принесли горячее. Под такую закуску я смог уже довольно много выпить, и у меня там, внутри, всё хорошо улеглось... Прошла неделя... с каждодневными приемами и фуршетами. Моя делегация совсем уже на ногах не держится, по утрам все похмельные, я же с утраца душ контрастный приму, зарядку сделаю – и давай их в чувство приводить. Так моими усилиями как-то и продержались. Настал день отъезда. Да, забыл сказать, что ко мне на время командировки прицепили „паровозиком“ двух девиц – переводчицу и (как бы это сказать) – представительницу китайской службы безопасности, ну вроде нашего КГБ. И вдруг они, эти две девицы, меня в кафе приглашают на серьёзный разговор. Я занервничал – думаю, мало ли, может, кто чего сказал спьяну из наших, обидел чем, за всеми не уследишь. Сейчас выскажут мне претензии, как руководителю группы. Пришёл, сел с ними за столик. А кэгэбэшница мне вдруг и говорит:

„Вы, уважаемый Александр Андреевич, не хотите ли у нас остаться?“ „В смысле – задержаться? – спрашиваю, – На какой срок?“ „Нет, – отвечает она, – насовсем остаться, в качестве главного инженера одного из заводов в Пекине“. „Но... у меня ведь жена и сын в Москве!“ – только и смог я выдать из себя от неожиданности. „Жену и сына мы, естественно, тоже к нам приглашаем жить, это не проблема“, – последовал ответ...» «Эх! – не выдерживаю тут я, прерывая рассказ, – Вот согласились бы Вы тогда, дядя Саша, жили бы сейчас припеваючи в Китае и к нам ездили консультировать инженеров. Как зарубежный специалист!» «Да понимаешь, Лен, у меня тогда незаконченный проект был с исследовательской группой в нашем институте. Не мог я ребят бросить». «А почему они Вам вдруг такое предложение сделали, китайцы?» «Ну, они сказали, что впервые видят человека, который может выпить столько алкоголя и остаться трезво мыслящим». «Да, вот это трезвомыслие Вас и подвело. Будь Вы авантюристом, сейчас бы прекрасно жили себе в Китае. Там рай для пожилых людей – они социально защищённые, у них хорошие пенсии. А китайская медицина – это же ого-го!» «Но, Лен, я бы тогда с тобой не познакомился! – отшучивается дядя Саша, – а такая потеря никакими благами цивилизации не восполняется».

Оказалась не в то время и не в том месте.

Проходя мимо «четырёх лавок» заметила там не очень радостного Андрея (помните, которого мне дядя Саша сватал).

Хотела подойти, но он был не один, рядом сидел и приобнимал его за плечи какой-то хмырь, важно разглагольствуя о чём-то. «Понимаешь, Андруха! – отхлебывая с наслаждением из бутылки живительное пиво, вопил на весь двор пузатенький мужичок слегка запущенного вида, – У меня с бабами все элементарно. Вот, к примеру, ты – баба. Если у ты есть мозги, так ты разговаривай со мной, поддерживай меня морально, давай советы дельные. А если у ты есть сиськи, то ты меня согревай, так сказать, телесно. Но тока молча, понимаешь ты, мол-ча! Ну, а если у ты ни того, ни другого нету, – тут он повернул голову и наткнулся взглядом на меня, с неподдельным интересом слушающую его короткую, но очень познавательную речь, – то ты тада проходи мимо, дорогая моя, – и для пущей убедительности мужичок махнул рукой куда-то в самую дальнюю даль, и ещё раз, и ещё, – проходи, проходи! Быстрыми мелкими шажочками!» И я пошла.

Я памятник себе воздвиг.

«Лен! – звонит Александр Андреевич, – Пойдём со мной в пункт приёма металла, а то скучно одному идти». «Ладно, – говорю, – я уже все свои дела переделала, пойдём, прогуляемся». Бредём к железнодорожной станции, где пункт приёма находится, а по дороге у нас – общежитие завода. «А ты знаешь, Лен, я ведь и на этом заводе тоже работал, еще до ВНИИМЕТМЕТа, – говорит Александр Андреевич, – и мне на этом заводе даже памятник поставили!» «Как это – памятник?» – изумляюсь я. «Ну, вот так. Сконструировал

я им подъёмные ворота. Причём, аналога нет нигде в нашей стране. И в других странах тоже. И решили они сваять мой бюст в честь такого события. И возле доски почёта поставить. Так и сделали». «Вот бы сейчас этот бюст забрать и на металл сдать, – мечтательно продолжает дядя Саша, – это ж тыщ тридцать выйдет, я на эти деньги мог бы месяца три прожить».

Сватовство Али.

Вчера, уже поздновато, часов в девять вечера, выползли на прогулку. Через какое-то время, дядя Саша заметил, что следом за нами увязался какой-то парень. Вернее, за мной. «Лен, по-моему, он на тебя губу раскатал! – сообщил мне возмущённо Александр Андреевич, – Нет, но каков наглец! Ведь он видит, что ты не одна, а со мной!» Ещё через какое-то время преследователь сократил расстояние и обратился вежливо к дяде Саше с такой речью: «Здравствуйте, уважаемый! Меня зовут Али, мне двадцать шесть лет, я приехал из Таджикистана. Там я закончил Финансовую академию, и теперь у меня в Москве свой небольшой бизнес. У меня достаточно средств, поэтому я имею своё жильё. Я ни в чём не нуждаюсь и не питаю никаких корыстных целей. Прошу у Вас разрешения встречаться с вашей дочерью. Могу ли я завтра днём пригласить её на прогулку?» И вот тут Александр Андреевич озверел окончательно и завопил: «Послушай ты! Уважаемый! Ты что – вот так вот решил прямо при мне нагло склеить мою жену? Совсем молодёжь оборзе-

ла! Лена! Иди быстро за мной! Дома поговорим!» «Ну и что это было за показательное выступление? – хохочу я, когда мы отходим на более или менее дальнее расстояние от несчастного мальчика, оставшегося стоять в ступоре, – Чего ты набросился на мальчишку? Раскричался... Ну неужели ты думаешь, что я смогу взять грех на душу и испортить жизнь какому-нибудь молодому мужчине? Или даже не молодому?» «А кто тебя знает, – пробубнил уже примирительно дядя Саша, – а вообще мне понравилось, как он речь толкнул. Практически просил у меня твоей руки. У меня дочек-то нету, только два сына. То есть, один сын теперь уже. А приятно, когда к тебе вот так, с уважением!» «Так чего, вернуть претендента? – смеюсь я, – «Поставить запись на повтор?» «Не, не надо, – уже совсем благодушно вещает дядя Саша, – он ведь мусульманин, значит, на тебе жениться в его планы не входит, соврал он про свои серьёзные намерения. А я тебя обязан замуж выдать, но только чтобы твёрдо и насовсем. И тогда уже спокойно можно помирать. А этот приятный момент я запечатлел и благостно переварил». «Как змея лягушку», – смеюсь я. И идём мы гулять дальше.

У каждого мужчины должна быть змея.

Александр Андреевич поднялся ни свет – ни заря и отправился в парк за грибами. Грибов он не набрал. Зато принес домой... змею. Посадил её в баночку и любит. «Зачем Вы змейку-то домой притащили, дядь Саш?» – интересуюсь я. «Да понимаешь, Лен, – отвечает Александр Андреевич, –

как-то одиноко мне, всё же. Пусть поживёт у меня недельку, потом обратно отнесу». «Ну завели бы кошечку, собачку, канарейку, наконец!» «Да мне это создание как-то привычнее, – отвечает мой друг романтически-напевно, – я, ведь, Лен, два раза был женат».

Не каждой женщине нужна змея.

Сегодня Александр Андреевич позвонил мне рано утром и сказал: «Лена! Возьми у меня змею!» Я говорю: «Вы с ума сошли? Я змей боюсь до ужаса, это у нас семейное!» «Понимаешь, мне её нечем кормить! Я когда её поймал, она кого-то проглотила. Я подумал, чтомышь, и что змея её неделю ещё будет переваривать, и кормить её мне не придется». «И что же?» – настораживаюсь я. «А вот только что змея отрыгнула останки... лягушки». «Фу! Не надо дальше рассказывать!» – завопила я. «Да ты не понимаешь! Её (змею) теперь надо кормить. Но чем (точнее – кем)???» «Знаете что! – возмущаюсь я, – если Вы думаете, что у меня в доме есть, кем накормить змею, то Вы глубоко заблуждаетесь! Из самых мелких живых существ в доме есть только кот Карл, но я не позволю вашей змее его съесть! Остальные же живности намного крупнее!» «Ну да-а-а, – задумчиво протянул дядя Саша, – а тебя ей не проглотить, ты слишком толстая!» – и сразу же бросил трубку, чтобы не выслушивать вослед сей фразе моих злобных инсинуаций и шипения в стиле змеи.

Каждой женщине нужен мужчина. Но не каждый.

Отпустили мы с Александром Андреевичем змею в парк.

Она на радостях так рванула, что последние останки съеденной лягушки по пути растеряла. Но я не про это хотела написать.

Короче говоря, заселила я из сострадания (как обычно у меня всё это происходит) к себе на две недели мужика, у которого сын болен астмой, и надо мальчика в больницу положить в Москве. Пришёл мужик, однако, не один, с сочной блондинкой. Представил родственницей. Та ему уборку в комнате сделала, ужин приготовила и... ночевать осталась. Я не ханжа. Ну, есть у мужика в Москве любовница, да и Бог с ней, не мое дело. Но возвращаюсь вечером домой, а мужик тот неуёмный уже тут как тут – давайте, мол, чаю выпьем. Ладно, – чаю, так чаю. И тут началось. Баба его спит, наверное, уже, а мужик тот начал меня за мои хладные ручонки хватать – мол, а что же у Вас на меня реакции женской нету? Я говорю как на духу: «У меня реакция женская есть только на любимого человека, которого пока нету у меня. Ну, а Вы тут кто такой вообще?» И тут он меня за грудь – хватать! Я аж дар речи потеряла. Он опять видит – реакции той, что он хочет, нету. А ударить человека по лицу я, интеллигентная женщина, не могу. И вот так мы с ним и застыли в этой позиции, с моей грудью в его руках. Потом отмерли, я и говорю ему: «Слушайте, если ещё раз такое себе позволите, то мой друг Александр Андреевич Вам морду раскрасит под хохлому. А насчёт бабы вашей я ничего против не имею – пускай ночует, если Вам так приспичило». И пошёл он спать с бабой

той. А я позвонила дядь Саше, чтобы был на стрёме.

Аэлита.

Поскольку в скетче, который я сняла для интернета, упоминается мой друг, мастер инженерной мысли, Александр Андреевич, я решила показать ему видеозапись. Пришёл дядя Саша весь такой нарядный ко мне на просмотр. Как в Большой театр наряжаются. «Сейчас, Александр Андреевич, посмеётесь от души», – предвкушаю я.

Первая половина просмотра прошла в полной тишине. Александр Андреевич внимательно и вдумчиво смотрел в экран, но никаких эмоциональных реакций не выдавал. Но вот когда дело дошло до создания моего нового образа для предполагаемого похода на телепередачу (ну, где мне «подружки» сделали причёску (раньше такую называли «взрыв на макаронной фабрике»), и где потом я намазала себе нещадно веки и ресницы), Александр Андреевич оживился. «Аэлита!» – произнёс он вдруг романтически-подтаявшим голосом. «Что?» – не сразу поняла я. «Ты тут похожа на Аэлиту из одноимённого фильма Якова Протазанова. Помнишь такой?» Самое смешное, что помню, даже картинку рисовала в детстве на тему этого кино, но признаваться в этом не стала, сами понимаете. Столько не живут. Оставшаяся часть просмотра прошла в молчании.

Новые приключения Неуловимых.

Картина первая, подарочно-напряжная.

Мама Марины (девушки, которую привёл к нам жить

по доброте душевной мой сын) прислала нам множество вещей – одежды, одеял, покрывал и прочего, прочего... В интернете посмотрела, что посылки уже пришли, но там такой вес, что без Александра Андреевича с тележкой не обойтись. Вызвала «дядю Сашу – МЧС». Пришёл с двумя тележками, как чувствовал. Скрепил их в одну и повёз весь этот груз, как муравей. На полпути до моего дома сели на лавочку передохнуть. У какого-то чужого подъезда. Сидим, дышим, курим (дядя Саша курит). Подходит девушка и спрашивает: «Вы не знаете Катю Д., которая в этом доме живёт? Мне она очень нужна!» «А чем Вам эта Катя так насолила?» – спрашиваю я просто так, в шутку. И попала я «пальцем в небо». «Она любовница моего мужа!» – отвечает девушка. Оп-ля!

«Мы не из этого дома, – пытается уйти в сторону от разговора дядя Саша, – мы Катю не знаем». «А тогда давайте выпьем пива, я куплю сейчас!» – предлагает новая знакомая. Ну, тут дядя Саша уж не мог устоять.

Картина вторая, ревниво-питейная.

«Тогда уж пойдёмте на «четыре лавки», – дядя Саша говорит. Пошли мы на «четыре лавки». По дороге написали смс моему сыну, он пришёл, все посылки забрал и домой потащил, а мы сели, дружно выдохнув, на лавочку.

Картина третья, заключительная, «ревниво-обременительная».

«Понимаете, – говорит Юля (так девушку зовут), – мой муж мне изменяет!» «Вот удивила, так удивила!» – хмык-

нули мы с дядей Сашей. «Вы не понимаете, – продолжает она, – он изменяет мне каждый месяц с новой женщиной!» «Ни фига себе, потенциал у мужика! – восхитились мы, – тут когда одна мозг выносит, не знаешь, что делать, а когда каждый месяц новая... с новыми закидонами... Ну, что сказать, твой мужик однозначно – экстремал!» И просит она мой телефон – позвонить мужу. Дала я телефон, девушка побуянила немного в трубку, и ей, видимо, от накала страстей, занудилось кое-куда. Дядя Саша её к себе в квартиру пригласил, и они отлучились на время. И тут муж её перезванивает. Я говорю кратко и ёмко: «Значит, так, молодой человек. Во-первых, если Вы уж женились, значит были на то веские причины. Надеюсь, это была любовь. Во-вторых, если разлюбили, надо об этом сообщить супруге. А в – третьих, если Вы просто хотите погулять, а жену не разлюбили, то надо уж как-то посерьёзнее шифроваться! Это я Вам как человек с опытом говорю! – я не стала уточнять, что с опытом просмотра телесериалов, – А то вот ваша жена сейчас пойдет и вашей любовнице глазки выцарапает!» «Спасибо, я всё понял, – не стал оправдываться и врать мужик, – сейчас позвоню любовнице, чтобы никому дверь не открывала, а потом сразу метнусь за женой. Какой у вас там адрес? Где она сейчас находится?» «Мда-а-а-а, провели очередной томный вечерок! – подвёл итог Александр Андреевич, когда мы впихнули Юлю в машину мужа, – а ведь хотели жить по-человечески, в медитативной гармонии и творческом созерцании!»

«Да ладно, – говорю, – зато спасли мир от очередного кровопролития. Это ли не цель? День не потерян!»

Шампанское из огурцов.

Обязана я рассказать про трапезу Александра Андреевича, приготовленную мною, после которой он блаженно заснул и не пошёл со мной на прогулку. Трапеза состояла из банки малосолевых огурцов и банки рагу из курицы с картошкой, перцем и помидорами. Это моя версия.

Версия Александра Андреевича после того, как он проснулся, и мы, всё-таки, пошли немного прогуляться, другая. «Ох, Ленка, какое же вкусное было твоё лечо!» «Лечо?» – изумляюсь я. «Ну да, лечо! Ни с чем не сравнимое ощущение! Разве что с шампанским из огурцов!» «С чем???» «Понимаешь, Лен, – поясняет дядя Саша, – открыл я твоё лечо и разогрел, а потом решил себе рассольчику налить из банки с огурцами, что ты мне дала. Снимаю крышку, а оттуда такой пшик, как когда шампанское открываешь. Я насторожился. Думал, там огурцы забродили, выбрасывать придётся». «Ну и выбросили бы, – говорю, – у меня раз на раз не приходится. То хорошие, вкусные и хрустящие получаются, а то – жуткая отравка. От настроения зависит, в котором засаливала». «Огурцы, Ленка, и впрямь, выбросить пришлось, они какие-то мягкие получились и квёлые, а вот рассол...» «Что – рассол?», – всё ещё не понимаю я. «Чистое шампанское Брют! – вещает дядя Саша восхищённо, – Я как отпил глоток, так прямо и наслаждался. У те-

бя рассол сладковатый получился, и газ там организовался, почему-то, углекислый, как в шампанском. Напиток Богов получился! Ты, надеюсь, рецептуру сохранила?» «Нет, – говорю, – мне казалось, я всё всегда одинаково кладу. Какая там особая рецептура-то в засолке огурцов?» «Ну всё, пропал наш бизнес! – возопил Александр Андреевич, – Вечно ты мне крылья подрезаешь своей безалаберностью! Мы же могли с тобой производить шампанское из огурцов! Это ж какое ноу-хау! Дёшево и сердито!» «Да ладно, – говорю, – Вы ещё мои яблоки мочёные не пробовали! Но это крепкий напиток, Вам с вашей язвой нельзя!»

Мнимый больной. Часть первая.

Звонит вчера дядя Саша: «Ой-ой-ой! Ай-ай-ай! Ленка, я умираю!» Я говорю: «А с чего у Вас такие выводы? Какие симптомы болезни? И не вызвать ли врача?» «Нет-нет-нет! Ни в коем случае! Врача не надо! – вопит дядя Саша, – он меня сразу в психушку упечёт, потому что у меня в комнате страшный завал. Да и не пройти врачу к кровати, на которой я лежу, тут тропинки нету». «А Вы сами как же попадаете на кровать?» – спрашиваю. «А я, Ленка, научился как Человек-паук по стенкам лазить, у меня тут своя техника проникновения в комнату, что врачам нашим покамест недоступно!» «Ладно, – говорю, – что болит-то у Вас? Давление мерили?» «Болит у меня всё, а давление моё на данный момент составляет девяносто на сорок». «И откуда же у Вас

взялись такие цифры? У Вас же тонометра нету!» «Тонометр есть, но зарыт в недрах моих комнатных завалов. А давление у меня такое по ощущениям». «Всё, мне это надоело, – говорю, – сейчас мы с тонометром придём и померим Вам давление, и если оно не в норме, вызовем скорую! Точка!» Прихожу, звоню, дверь открывает соседка (там у них коммуналка), кое-как протискиваюсь в комнату, тайными тропами пробираюсь к кровати, меряю давление нашему больному... – сто тридцать на восемьдесят! Я говорю: «Дядя Саша! Что Вы мне голову морочите? У Вас давление как у космонавта!» «А чего же тогда мне так плохо?» «Может, Вас покормить, Вы когда ели в последний раз? Вот голова и кружится. Вы чего из еды хотите?» «Хочу я, Ленка, ... пива с воблой!» «Ничего себе! – возмущаюсь, – Вы меня хотите за пивом отправить? Совсем совесть потеряли?» (Ну Карлсон такой в чистом виде. Только тот, когда «болел смертельными болезнями», требовал варенья и печенья. И побольше). «Нет, Лен, как можно! Чтобы я даму за пивом посылал? – вскинулся дядя Саша, – Ты просто меня сопроводи до магазина, а то вдруг я по дороге упаду в обморок?» «Ладно, – говорю, – пойдём». И пошли мы за пивом.

Мнимый больной. Часть вторая.

Причина и название «смертельной болезни» Александра Андреевича выяснились довольно быстро, после того, как он, блаженно причмокивая и крякая, сделал первый глоток пива. Название болезни – «воспаление хитрости», а суть та-

кова – «Понимаешь, Ленка! – пояснил „пациент“, – я взялся делать ремонт у одной знакомой дамы, живущей в соседнем доме. Я поменял проводку и поклеил обои, сменил плитку в ванной комнате и положил новый пол, но вот когда дело дошло до потолка...» В общем, дядя Саша не смог в одиночку смонтировать подвесной потолок и уронил и разбил две панели. Поскольку денег на возмещение ущерба у него нет, дядя Саша придумал такую легенду, что он упал со стремянки, будучи гипотоником и схлопотав сильное головокружение. И теперь он лежит дома и лечится. И лечиться ему... до конца света, не меньше. А пива-то хочется. А выйти-то страшно – вдруг «лежачего больного» заметит его работодательница вполне себе ходячим. Ну вот он и решил взять меня в сопровождение, чтобы была отмазка – мол, ко врачу меня племянница ведет, ко врачу! «Дядь Саш, а нельзя просто честно всё объяснить этой женщине?» «Можно, – говорит Александр Андреевич, – но тогда получится, как с тобой!» «Это как?» – спрашиваю. «Она сначала убьёт, а потом попытается выслушать!» «Зато тогда я, наконец, смогу выполнить Вашу предсмертную просьбу!» – говорю я. Но об этом в следующей серии.

Похороните меня за плинтусом.

Иду из магазина дворами. Проходя мимо «четырёх лавок» замечаю Александра Андреевича, присоединившегося к компании молодых ребят, жарящих шашлык, и явно ждущего своего несанкционированного кусочка мяса. Молодежь

напрягается, но прогнать дядю Сашу никто не решается.

«О! – говорю, – привет! Как Ваше здоровье, Александр Андреевич? Уже всё в порядке, я вижу?» «Ой! – сразу сгибается в три погибели дядя Саша, – так всего крутит, так мне плохо-о-о-о... Ты, Ленка, обещай мне, что когда я умру, напишешь на фасаде дома, в котором я жил, мой портрет!» «Да не вопрос! – отвечаю, – только я так уж напрягаться не стану. У меня где-то на антресолях лежит портрет Рериха. Так ты, дядь Саш, бороду нарасти и носи тубетейку, я думаю – никто из твоих соседей не отличит. А портрет я тебе хоть завтра принесу – вывешивай заранее. Чтоб уважали!» «А Рерих тот много пользы принес в инженерном деле?» «Вот чего не знаю, о том не скажу! – смеюсь я, – Он по другой части был, по художественно-эзотерической!» «Ничего, годится! – дядя Саша констатирует, – Я вот тоже человек алкоголически-эзотерический. Значит, с твоим Рерихом точки соприкосновения имеются. Тащи портрет».

Политинформация на «четырёх лавках».

«Ну, что нового у нас происходит?» – спрашивает Александр Андреевич у Жорика, развернувшего газету, чтобы почистить на ней воблу. «Рост цен нанес новый удар по среднему классу!» – громко и с выражением прочёл Жорик. «Ну, это хорошая новость», – говорит Александр Андреевич. «Почему – хорошая?» – удивляется Андрюха. «Да потому, что средний класс – это мелкая буржуазия. А у нас в стране её нету. У нас есть только пролетариат и олигархи».

«И ещё – обедневшая интеллигенция», – встречаю я. «Да, а раз у нас среднего класса нету, – продолжает Александр Андреевич, – то удар нанесён по пустому месту. Так что раздельвай смело, Жорик, свою воблу на этой газете, потому что с официальной частью нашей встречи мы уже разделились».

Искусственный спутник женщины.

Засиделись с ребятами из нашего двора на «четырёх лавках» аж до пяти часов утра. До первой звезды, так сказать. «О! Искусственный спутник Земли!» – воскликнул радостно дядя Саша, тыча пальцем в утреннюю, едва проснувшуюся, Венеру. Представляю, что она там ему ответила про себя. В связи с чем я решила прозвать Александра Андреевича (тс-с-с, но об этом никому ни слова) – «искусственный спутник женщины».

Сжигаем негатив.

Ходили вчера с дядей Сашей в парк разводить костёр, потому что, как он сказал, ему надо «сжечь негатив». «Ленк, а чего ты меня всё время фотографируешь? Будешь в этих своих общественных сетях размещать?» «А Вы против, Александр Андреевич?» «Нет, почему же, я только за. Но я тебя прошу приписать к моей фотографии такой комментарий: «Дорогие одинокие женщины! Вы не там ищите женихов. В нашем парке на каждом шагу можно встретить высокообразованного интеллигентного бомжа, который готов ис-

полнить любой ваш каприз... за ваши деньги». «Сжѐг негатив» он, как же.

Урок по квантовой механике.

Вышли погулять. «Лен, ты чего такая замороченная?» – спрашивает дядя Саша, не наблюдая присущего мне весѐлого настроения. «Да вот, Афанасий теперь за компьютером не один сидит, Марина вечно его кресло занимает, а он на табуретке ютится. Эх, вот бы им ещё одно компьютерное кресло купить! Но денег нету». «Да найдѐм мы кресло!» – дядя Саша меня успокаивает. Бац! Сразу возле соседнего дома находим компьютерное кресло, абсолютно целое, практически новое. Затаскиваем к ребятам, те «танцуют зажигательную джигу», а мы снова выходим на прогулку. «Вот задача, – говорю, – Марине летом домой к маме ехать, а чемодана у неё нет». «Да будет ей чемодан», – уверяет Александр Андреевич. Бац! Через пару домов находим чемодан новый, фирменный, с кодовым замком, на колѐсах и с выдвигающейся ручкой. Всё в целости. Заносим в дом, Марина «танцует зажигательную джигу», мы снова выходим на прогулку. «Саш! А тебе-то самому что надо?» «Мне, – задумчиво тянет дядя Саша, – доски нужны, три штуки, и две алюминиевые накладки на дверной проѐм, потому что я у соседки взялся делать подвесной потолок, а у неё всё там посыпалось, теперь и стену, и дверь надо подлатать». Дальше – по сценарию. Мы находим три доски и две накладки из алюминия. Отнёс дядя Саша к себе, идѐм и молчим. Потому что сего-

дня целью была просто прогулка. «Александр Андреевич! – не выдерживаю я, – Ну если у Вас так хорошо выходит притягивать разные приятные события из ниоткуда, может, пожелаете мне мужа доброго и любящего, а?» «Я раньше так и хотел, Ленка. Но передумал, – говорит дядя Саша, – так что этого ты от меня не дождёшься!» «Почему? – спрашиваю, – Вы что, не желаете мне счастья?» «Желаю, но если у тебя появится муж, то он скажет тебе обо мне, – а чего, мол, этот старый козёл вокруг тебя крутится? И придётся нам больше не общаться. А я так не хочу!» «Не, ну так и я не хочу», – говорю я. «А по-другому не бывает, Ленка!» Что, прям-таки и не бывает?

Мир тесен и одновременно очень велик.

Идём как-то с дядей Сашей дворами, вдруг навстречу – знакомые очертания, из полумрака выплывает моя одноклассница. Давно не виделись, но она мало изменилась. Идёт какая-то задумчиво-просветлённая, меня не замечает. «Свет! Све-е-ет! Стой!» – кричу ей. Остановилась, познакомила её с дядей Сашей. «Вот, – говорю, – у меня новый друг появился, гулять по вечерам ходим». «А у меня что-то в этом году друзей резко поубавилось, – вздыхает Светка, – какое-то тотальное „не люблю“ в мой адрес». «Да ладно, – говорю, – значит, так надо было». «Вообще, последние два года очень трудные, – гнёт свою линию Светка, – ещё на работе ни дня не проходит, чтобы не столкнуться с какой-нибудь

сволочью!» «Вы в полиции работаете?» – деликатно уточняет Александр Андреевич. «Нет, в полиции папа мой работал, до сих пор с бывшими коллегами встречается, а ведь ему уже восемьдесят лет. А я в поликлинике работаю. Физиотерапевтом». «А мне вот как раз повезло, – говорю я, – у меня дня не проходит, чтобы не встретить хорошего человека». «Да ты понимаешь, Лен, они ведь все от меня чуда ждут. Вот приходят все перекошенные и скрюченные и думают, что я сейчас пальцами щёлкну, и все их болячки как рукой снимет. Но, граждане дорогие, вы не с того начинаете своё оздоровление. Вы подумайте – может, вы обидели в своей жизни кого-то или ещё какой дурной поступок совершили, вот вас и перекосило. В храм сходите, покайтесь, а потом уже на физиотерапию ко мне приходите. Так сказать, для закрепления эффекта!» «Свет! – говорю изумлённо, – помнится, была у нас встреча одноклассников пару лет назад, ты подружку мыслила. Да и в храме не бывала, вроде бы, ни разу!» «Понимаешь, на днях дела у меня были с утра, а потом перерыв до начала работы. Думала – куда пойти? Ну и зашла в наш храм в Вешняках. А там так красиво поют, и бабушка мудрую речь толкает. И так меня, Лен, проняло! Я поняла, что всё делаю в жизни не так... И не я одна... Ну ладно, разболталась я тут с вами, вы же на прогулку вышли, а не мои откровения выслушивать. Созвонимся ещё. Пока, не пропадай». И убежала.

«А как фамилия этой Светки?» – дядя Саша спрашивает.

Я сказала. «Так я её отца знаю, он в волейбол очень любит играть. А я у нас в районе волейбольную площадку строил, там и познакомились». «Да, – говорю, – мир тесен». «И одновременно очень велик, помни об этом», – добавил со значением Александр Андреевич.

Самогон.

Идём, гуляем. «Дядь Саш, – говорю, – я тут варенье сварила из грейпфрутов, которые ты принес на днях. Но что-то оно пригарчивается, и, кажется, забродило. Как думаешь, что получилось?» «Самогон». «А ещё я яблоки сделала мочёные, но даже не знаю, честно говоря, что выйдет». «Самогон», – снова ёмко комментирует Александр Андреевич. «А вот ещё я нашла в морозилке какие-то ягоды, давным-давно мамой замороженные, думаю – может, что-то из них получится сварить?» «Самогон». «Так, может, уж тогда его целенаправленно и делать? – говорю, – Раз, всё равно, только он и получается?» «А что, это неплохая мысль... Кстати, Ленка, ты скороварку, которую я тебе на днях принес, ещё не продала?» «Нет». «И не продавай. А змеевик я подходящий найду...» Идём дальше, молчим минут пять. «Нет, Ленка, не выйдет ничего с самогоном. Такой запах будет стоять, все соседи сбегутся скандалить. Вари дальше свои варенья и соли соленья».

День сломанных замков.

Александр Андреевич попросил меня продать два пылесоса, собранных им из запчастей совершенно разных агрега-

тов, и, как ни странно, находящихся в рабочем состоянии. Мы наметили на сегодня фото сессию этих монстров. И вот с раннего утра всё звоню, звоню – не подходит дядя Саша к телефону. А поскольку накануне вечером он подкинул мне море огурцов и черешни, и я взялась солить соленья и варить варенья, то отлучиться уже не могла, чтобы просто пойти посмотреть – что там и как у Александра Андреевича (хотя он живёт в соседнем доме). Вдруг раздался телефонный звонок. «Вы куда же пропали, дядя Саша! Я чуть с ума не сошла!» – воплю в трубку. «Да ты понимаешь, Лен, какой-то день странный, я назову его «День сломанных замков», – и ржёт нагло. «Я, – говорю, – про день сломанных замков ничего не слышала, но Вам точно не поздоровится, если сей же час не поведаете, что там у Вас приключилось!»

«Дело было так, – начинает Александр Андреевич, а сам мелко хихикает, – в пять утра пришла соседка. С третьего этажа. Она работает в специальном интернате для детей с особенностями развития. Ездит за город, выходит из дома ни свет – ни заря. И вот у неё замок заклинило. Не может дверь закрыть. А у меня, ты ведь знаешь, в моих закромах, есть всё. Я, практически не просыпаясь, нашарил какой-то замок подходящий и быстро его поставил. И опять спать лёг. В восемь утра звонит мой друг, который является, между прочим, хозяином кафе. Знаешь, тут, недалеко от моего дома, подвальчик? Помнишь, мы с тобой туда ходили в первые дни знакомства? Ну вот, звонит он в панике. Он задер-

жал зарплату сотрудникам, а они в отместку заперли его кабинет с сейфом, в котором деньги лежат, а ключи забрали с собой. Дверь там крепкая, не сломать. Проснулся я уже теперь окончательно, пошёл, замок предварительно подходящий нашарив в моих закромах. Вскрыл дверь и новый замок поставил. Вернулся домой, но спать уже не стал. Кофе выпил, и уже самому интересно – сейчас кто-то ещё про сломанный замок позвонит? Сама понимаешь, по логике сюжета, так оно и вышло. У того хозяина кафе Андрюха, ну тот, из моих подопечных парней, с „четырёх лавок“, работает. Он недавно квартиру снял, но... там надо замок заменить. Это уже, сама понимаешь, было на весь оставшийся день. Потому что сначала поехали смотреть, что за дверь, потом купили новый замок, потом он не подошёл, поехали и поменяли на другой, потом вернулись ко мне за дрелью, которую сразу взять с собой в голову не пришло... Вот сейчас поедем уже, наконец, поставим замок. И всё на сегодня! Надеюсь». «Зря надеетесь, – говорю, – у моей соседки с четвёртого этажа замок в двери постоянно заедает, больно смотреть, как эта бабуля каждый раз, уходя или возвращаясь, мается с этим замком минут по тридцать. Как раз сегодня она меня спрашивала, нет ли у меня кого-то, кто поменял бы ей замок?»

Вчерашний день Александра Андреевича.

Так получилось, что вчера я была сильно занята и с дядей Сашей не повидалась. Сегодня у него был «день сломанных замков», но совсем на ночь глядя попросил он меня выйти

с ним посидеть на «четырёх лавках». Я почувствовала, что будет разговор по душам, взяла себя в руки крепко и пошла.

Разговор оказался трудный и болезной.

«Вчера утром, Лен, когда ты спала „сном праведницы“, моя соседка вдруг раскричалась под окном. Это не в её стиле, и я сразу смекнул, что дело – труба!» – начал свой рассказ дядя Саша. А вышло так, что из соседнего подъезда выезжала одна женщина, она вызвала газель, но водитель, как вышел ей помочь вещи донести из дома, так и рухнул внезапно с остановкой сердца. Соседка дяди Саши по коммунальной квартире, тётя Вера, врач по профессии, выскочила, кричит на ту даму, что вместо того, чтобы вызвать врача, вещи свои из машины вынимает: «Ты с ума сошла? Вызывай скорую! Человеку плохо!» А человеку уже не плохо, ему, скорее всего, уже хорошо. Он синее и на тот свет лыжи целит. И Александр Андреевич ему искусственное дыхание делает, а другая соседка на лоб влажную ткань кладёт, а третья руки растирает. В общем, они его привели к тому состоянию за те двадцать минут, пока ехала скорая, что, вроде бы, стал розоветь, а то был синюшный. Тут тётя Вера побежала за шприцем и лекарством. И думала она – сейчас я пациенту вколю адреналин в сердечную мышцу, и всё снова завертится...

Но тут приехала скорая помощь.

И отодвинули они женщину со шприцем. И пока они фамилию, имя, отчество больного записывали, пока заводили свой агрегат, который разряды в сердце пускает, пациент

умер. На руках у дяди Саши, который вот только что ему искусственное дыхание делал и массаж сердца. И видел порозовевшие щёки, и вообще свято верил, что уже спас человека. «Знаешь, Лен, вот в таких ситуациях хочется взять в руки автомат и перестрелять всех врачей! Они только эту свою машинку неспешно пять минут заводили, а счёт шёл на секунды!» И заплакал. «Не переживайте так! – сказал вдруг странного вида человек из темноты, – значит, ему судьба была умереть. Вот вам чай – выпейте и перестаньте себя винить!» – и дал нам тот бомж (а то был явно бомж) по пакету эксклюзивного чая «Базилюр». И откланялся вежливо. «Эй! Пойдите! – успел только крикнуть ему вслед дядя Саша, – там у рынка бросили два мешка хорошей картошки. Может, Вам надо?» «Ну почему у нас всё так, почему всё так???» – заплакал снова дядя Саша, а я его просто крепко обняла. Потому что у меня нет ответа на его вопрос.

Александр Андреевич озверел.

После случая с умиравшим на глазах работников скорой помощи молодым мужчиной, которого уже практически спасли совместными усилиями дядя Саша и его соседка тётя Вера, но им помешала наша великая и могучая медицина, начали происходить в доме номер пятьдесят один странные события.

Сначала из подвала дома дяди Саши выселили целую толпу таджикских дворников, проживавших там нелегально. Но выселили не на улицу, им ЖЭК выделил общежитие. По-

том, в тот же день, наконец, прикрыли блат-хату эфиопских проституток, которая в том же доме пятьдесят один находилась. И девушек всех депортировали на их историческую родину. Вместе с сутенёрами и «мамкой». А потом накрыли квартиру с распространителями наркотиков.

Сидим на «четырёх лавках», курим. Дядь Саша курит. Вид довольный. «А ты заметила, Лена, как стало легко дышать к вечеру?» – начинает издалека Александр Андреевич. «Так жара спала!» – отвечаю, не понимая пока, к чему он клонит. «Да-а-а, жара спала, и накал страстей улёгся. Ты заметила, что никто не приезжает больше на такси и не привозит девушек с шоколадным цветом кожи, а ещё никто не тащит в подвал всякий мусор, картон, металл и прочие отходы жизнедеятельности человека, а ещё нет толп молодняка у первого подъезда в ожидании... дозы некой загадочной смеси... Кстати, ты знаешь, что это за камешки запёкшиеся, тут, на лавочке, остались? Это очень романтично». «На керамзит похоже, – говорю, – ничего романтичного. Непонятно только, зачем его поджигали!» «Это не керамзит, это наркотик, сделанный из маковой пыльцы. А делается он так. Сотня обнажённых женщин бегают по маковому полю, покрываясь сладким потом, а после с них соскребают прилипшую маковую пыльцу и вот в такие шарики скатывают. И привозят к нам. И наших российских ребят на это подсаживают». «А чего это Вы довольный такой сегодня?» – не понимаю я всё ещё. «А я их всех сдал!» «В смысле?» «Понима-

ешь, Лен, тут ведь никому ничего не надо. Да и мне, по большому счёту, всю жизнь было всё равно. Но вот когда того мужика позавчера я спасал, а скорая воспрепятствовала, я озверел. И пошёл я в полицию сегодня. И всех сдал. Поскольку хозяина квартиры, где жили эфиопские проститутки, я лично знаю, он в соседнем доме живёт, он мой бывший сотрудник по научно-исследовательскому институту, а парня с наркотой я давно отследил, он дальний родственник моего соседа, который в свое время бабла срубил на распространении «гербалайфа», ну а про подвал с таджиками кто не знает? Все. Все про всё знают, Лен. И молчат.

Но теперь всё, я больше молчать не буду». «Я Вас понимаю, – говорю, – когда у меня на руках мама умерла, а врачи скорой, свидетели этого, сказали, что они ничего не видели, типа это ещё до их прихода было, и ушли, а потом пришёл полицейский и стал ныть, что его ради мёртвой старухи в два часа ночи вынули от жены из тёплой постели, и заставил меня саму рисовать подробный план квартиры и саму звать соседей, чтобы засвидетельствовать кончину матери, я сразу по-другому на мир смотреть стала. И моё прежнее равнодушие ко всем так называемым чужим людям, почему-то, исчезло. Но только я много тычков и подзатыльников за своё вмешательство в чужие судьбы уже за два года наполучала. Так что Вы крепко подумайте – а надо ли Вам всё это?» «Да, подумать мне, похоже, уже не дали. Просто кто-то в бок толкает теперь – делай, делай, делай!» «А знаете, – говорю, – мо-

жет, это ещё и потому, что ваших соседок зовут – Вера, Надежда и Люба?» «Никогда не задумывался. А ведь и правда, их именно так и зовут – Вера, Надежда и Любовь! И ещё у меня есть моя подруга Елена Прекрасная!» (типа это он про меня). «Премудрая! – настаиваю, – Премудрая! Ну, и Прекрасная тоже, конечно, не без этого!» – и смущенно опускаю взор, который тут же, без промедления, натывается на моё расплывчатое тюленьё тельце.

Объёмное мышление.

«Вот у вас, у женщин, мышление плоское, сконцентрированное на мелких деталях, – вещает мне Александр Андреевич на очередной прогулке, – а я вот вижу человека спереди, а уже знаю, как он выглядит сзади, и даже изнутри. Это называется четырёхмерное видение. Хочешь конфетку?» «А как Вы догадались про конфетку? Я просто взяла другую сумочку и не переложила в неё леденцы, которые постоянно ем, чтобы отвлечься от своих страхов, которые у меня временами появляются на улице и в транспорте». «А вот тебе и первый пример четырёхмерного мышления. Я тебя видел всего несколько раз, а уже знаю о тебе практически всё», – смеётся Александр Андреевич.

О форме и содержании.

«Все твои проблемы, Ленка, от чего?» – начинает наш «семинар на прогулке» Александр Андреевич. «От того, что моя внешность не соответствует моему содержанию», – отвечаю я, как школьница на уроке. «Да, именно так, – под-

тверждает мой друг, – Ведь по внешнему виду ты кто?» «Кто же?» – настораживаюсь я. «По внешнему виду ты, Ленка, круглолицая хозяйственная весёлая простенькая хохлушка. А на деле кто?» «На деле я, Александр Андреевич, круглолицая депрессивная русская неумёха – интеллектуал», – отвечаю я, смахивая скупую женскую слезу. «Во-о-о-от! – говорит Александр Андреевич, – Так ты либо похудей и защити диссертацию, либо поглупей и готовить научись. Надо как-то приводить к общему знаменателю свои внешние и внутренние качества!»

Тессеракт.

По дороге домой с очередной прогулки присели мы с Александром Андреевичем на скамеечку в одном из дворов. И тут подошёл молодой парень и попросил закурить. У Александра Андреевича «Ява» была. «Мой папа покойный тоже «Яву» курил, – говорю я. Парень схватил сигарету – и бежать к другой скамеечке, где друг его ждал, и слышу – говорит: «А ты мне сказал – это папа её!» «А он запал на тебя!» – смеётся Александр Андреевич. «Ага, – отвечаю, – а Вы мне тут всю личную жизнь портите. Он же сначала подумал, что Вы мой отец, а потом вообще запутался, кем Вы мне приходитесь». «Знаешь, ты слишком много анализируешь и нервничаешь. Надень-ка лучше мою куртку, стало прохладно, и давай я тебя до дома провожу». «А как Вы догадались, что я подмерзать начала?» «Тессеракт, моя девочка, тессеракт! Четырёхмерное пространство!».

Криминальный талант.

Сегодня вообще был день как в сериале про полицейские расследования.

Но начну по порядку. Проснулась поздновато. Звонит дядя Саша: «Ну что, Лен, пройдемся, прогуляемся? – спрашивает, – Только там тридцать два градуса жары. Я предлагаю тебе нарядиться в прозрачную кофточку и короткую юбочку... И голову шляпкой из соломки не забудь прикрыть, а то напечёт!» Ишь ты, какой у него игривый тон сегодня!

Идем, гуляем. Присели на лавочку передохнуть. Подбегает к нам человек вида иноземного и предлагает нам у него купить серебряные монеты и серебряную ложечку восемнадцатого века. По бросовой цене. Стал Александр Андреевич монеты и ложку рассматривать, а я пока парня того расспрашиваю – мол, «откуда дровишки?» Легенда гласила: «Работали мы с бригадой парней, таких же, как я, из Узбекистана, в Подольске. Сносили дом один. А в доме том антиквар жил, так в подвале-то тайник и нашли – а та-а-а-ам – большой самовар стоит, полный монет, ложек, вилок и ещё всякого добра из серебра!» «И что, – говорю, – на всю бригаду прямо хватило? Как поделили-то?» «Да, – парень продолжает баять, – всем много чего досталось, самовар мой брат за сорок („ха-ха“ – ремарка автора) тысяч продал одному любителю старины, а остальную мелочёвку мы поделили поровну. У меня монет этих штук тридцать, ложек с вилками тоже

много. Вы купите хоть сколько-то, я сам в ломбард не могу сдать, у меня, как приехал, документы работодатели отняли. Вы мне дайте хоть сколько-то денег или технику какую или ещё что!» «Я сейчас антиквару знакомому позвоню, – говорю я, – он приедет и купит ваши монеты». «Нет! Нет! – заорал парень, – Не надо никого сюда звать, я вас тут подожду, вы принесите что-то взамен, если денег нету – телевизор плазму или тот же самовар старый или мобильный телефон навороченный, а я вам монеты эти отдам, мне технику легче будет сбыть и самовары тоже. Знаю, кому это интересно». «Хорошо, – дядя Саша предлагает, – давай сходим в наш ломбард, я по своим документам сдам твои монеты, как серебряный лом, получишь хоть какие-то деньги». «Нее-ет, – опять вопит парень, – никуда не пойду!» А дядя Саша тем временем с монет все надписи списал на бумажку и взялся за ложку. И тут вышла накладочка. Дядя Саша хотел ложку ту сбоку ножиком карябнуть (у него с собой всегда и ножик складной, и отвёртка, и изолента, и ещё много всего, важного для жизни, имеется, он без этого гулять не ходит), ну а парень завопил, что портим вещь, чуть не началась драка, и мы разбежались в разные стороны. Отдыхались мы немного, я говорю: «Саш! Ты чего это собрался сделать – старинную вещь ножом царапать?» «Да какая там старинная вещь? – дядя Саша глаголет, – Монеты сделаны, конечно, отменно, ну а с ложечкой промахнулись ребята. Там на ложке чей портрет? Екатерины первой, жены Петра. Ло-

жечка та выпущена ко дню коронации Петра второго, который, как ты знаешь, ни дня не правил. Год там у нас стоит какой? Правильно, тысяча семьсот двадцать седьмой. И портрет его матери, регентши, изображен, всё как и полагается. А вот на ручке ложки, на другой её стороне, стоит проба тысяча восемьсот пятидесятого года. К тому же, ручка и головка ложки припаяны друг к другу, а в те времена было только литьё, пайку придумали много позже. Так что имеем мы дело с мошенником, детка». Я так с разинутым ртом и осталась сидеть. Ну да, дядя Саша ведь всю жизнь сталелитейные заводы по всей стране запускать, ему ли пайку от литья не отличить? «А-а-а, – отмерла я, – а ножиком зачем хотели скрестить ложку?» «Это уже так, чтобы стопроцентно убедиться. Видишь ли, они как поступают – купят, к примеру, у нумизмата реально старинную серебряную монету или ложку, сделают глиняный слепок и штампуют из меди всё это сотнями, затем чернение делают, старят и впаривают на улице разным ротозеям. Но вот какая штука – старинная ложка, бывшая много лет в употреблении, не может иметь острые края, они должны быть стёртые, а тут – явно рёбра торчат, я и хотел соскрести чуток с ребра, там бы медь (она красного цвета) и показалась бы, а вовсе не серебро. Но тут пацанчик сбежал, к сожалению». «Да-а-а, – говорю, – с Вами, дядя Саша, можно никаких сериалов криминальных не смотреть. Просто ходи гулять и смотри в живую». «Ходи, конечно, но ты вот лучше скажи, Лен, почему мой наказ про прозрачную кофточку

и короткую юбочку не выполнила? А? Чтобы в следующий раз нарядилась по моему вкусу!» Нет, ну вы гляньте! И он туда же – и года не прошло со дня знакомства, а уже хочет доминировать и свои порядки устанавливать!

Обломовщина или временный «облом» Александра Андреевича.

«А знаешь ли ты, Ленка...», – разглагольствует дядя Саша, пока мы сидим на лавочке во дворе его дома, где состоялась торжественная передача мне созданной Александром Андреевичем некой субстанции пищевого назначения (условно назовём это блюдо солянкой). «Так вот, знаешь ли ты, Ленка, – продолжает дядя Саша свою речь, блаженно затягиваясь сигаретой, – что через несколько лет в нашей стране наступит окончательное и бесповоротное глобальное потепление, и на нашей улице имени знаменитого лётчика Михайлова будут произрастать ананасы, кокосы и бананы. Только ходи да рви их с пальм!» «Это легко воплотить в жизнь уже сейчас, – говорю я, – Вы улетаете на Кубу, покупаете там домик, а улицу, на которой он расположен, называете в честь героического лётчика Михайлова. И рвите там себе на здоровье бананы и ананасы с пальм». Ананасы, кстати, вообще не на пальмах растут. Я вчера в клубе знатоков услышала. Но дяде Саше говорить не стала. Чтобы не портить наше с ним глобальное потепление.

Горшочек, не вари!

С утра звоню дяде Саше: «Ну, как ваши дела? Какие пла-

ны на день?» «Да какие планы, – уныло отвечает мой друг в стиле ослика Иа, – сдохнуть поскорее. Всю ночь очищал провода от пластиковой оплётки. Наковырял на три копейки меди. А в кармане семь рублей мелочью». (Можно подумать, что семь рублей бывают и в крупных купюрах). «Вот если бы сейчас найти сразу много..., нет – **ОЧЕНЬ МНОГО** металлических предметов и сдать их в пункт приёма вторсырья!...» «Всё ясно, – говорю, – Вы, так понимаю, и дальше свои провода чистить собираетесь, а я тогда пойду по своим делам. Вечером созвонимся».

Выхожу из дома, иду обычным маршрутом мимо дома Александра Андреевича и тут вижу, что некая женщина несёт и ставит у помойки два больших пакета с характерно звенящими кастрюльками и мисками. Я говорю: «Извините, пожалуйста, Вы это выбрасываете? А то у меня друг собирает такие штуки и как металл сдаёт. Можно ему взять?» «Вам металл нужен? – возрадовалась женщина, – Так приходите ко мне домой, я решила ремонт сделать и много чего выбрасываю. Я вон в том доме живу, в первом подъезде, квартира двадцать три», – и машет рукой на дом по соседству с домом дяди Саши. Звоню Александру Андреевичу: «Ну, что, много..., нет, **ОЧЕНЬ МНОГО** металла заказывали? Так пожалуйста, забирайте!»

После того, как дядя Саша раз двадцать сбегал туда-сюда с сумками, полными мисок и кастрюль, с металлическим обогревателем, микроволновкой, утюгами и гладиль-

ными досками, а напоследок отволоч в своё «гнездо» огромную электрическую плиту, он взмолился: «А, может, уже хватит?» «Так это же Вам решать, – смеюсь над несчастным „Плюшкиным“, – Вы можете больше ничего не брать!» «Э, нет, Ленка, пока дают, я не могу не брать. Вот если бы перестали давать, тогда да, тогда есть шанс остановиться». Тут звонит эта дама (мы номерами телефонов обменялись), спрашивает, придёт ли ещё дядя Саша за старой батареей центрального отопления? «Ой, извините, я уже уехала в другой район города, – вру я, – и друг мой тоже. Спасибо Вам большое!» «Кто звонил?» – спрашивает Александр Андреевич, сверля меня подозрительным взглядом. «Да так, один назойливый знакомый. Напрашивается в гости. Я сказала, что гуляю в другом районе города. И не одна». Ложь во спасение. Ибо... чугунную батарею дядя Саша уже вряд ли куда-то донёс бы. А лицезреть нелепую гибель лучшего друга, придавленного батареей, было бы выше моих сил.

С днём рождения!

Вышли ненадолго пройтись с дядей Сашей, какие-то философские беседы ведём, как водится. Вдруг дядя Саша меня резко дёргает за руку и вопит: «Лена, осторожно!» Отпрыгиваю в сторону, а мимо проносится машина. Идём мы не улицей, двором. Видимо, водитель пьяный за рулём. «Пойдём на детскую площадку, там есть скамеечка, сядем, отдышимся», – говорит испугавшийся, кажется, больше меня, Александр Андреевич. Подходим к скамейке, садим-

ся. На скамейке лежит маленькая открыточка с розочками на фасаде. Переворачиваю и читаю: «Леночка! С рождением тебя, славный человечек! Будь здорова и счастлива!» Дядя Саша нервно смеётся: «С днём рождения, Ленка!»

Не спи, замёрзнешь.

«Представляете, – возмущённо рассказываю я Александру Андреевичу, выйдя посидеть-погреться на „четыре лавки“, потому что дома холоднее, чем на улице, – два одеяла, тёплые носки и обогреватель возле самого носа – моя вчерашне-сегодняшняя попытка ночевать в тепле! В ЖЭК я звонила, если Вы об этом красноречиво молчите. И не единожды. Но никто ни вчера, ни сегодня не пришёл спасать меня. Легче, и впрямь, обзавестись тремя котами или одним мужчиной. Для тепла. В итоге, мне ночью приснилось, что меня какой-то суровый голос спрашивает: „Чего тебе хочется, Ленка, а ну говори без утайки!“ „Очень хочется согреться!“ Сказала вслух и разбудила сама себя этой фразой». Дядя Саша помолчал сочувственно, а потом предложил со своей стороны два варианта помощи – либо прийти сегодня ночью и согреть меня своим телом, либо сварить для меня суп, чтобы я поела горячего. Я выбрала суп. «Только пока я буду готовить, ты мне, Ленка, звони каждые пятнадцать минут, потому что у меня тоже очень холодно, и из-за этого всё время клонит в сон». «Ладно, – говорю, – если Вы мне будете звонить и напоминать, чтобы я Вам звонила, то и я буду Вам звонить. Я сказку пишу и могу увлечься». Пошла домой, до-

писала несколько страниц, звоню Александру Андреевичу – не отвечает. «Ну всё, уснул, видимо, – подумала, – придётся идти будить. А то угорит со своим супом. Заодно на улице погреюсь немного на солнышке». Вскоре, всё же, ответил мне дядя Саша на звонок. Он, действительно, уснул. «Что делать? Я уже оделась и собралась идти к Вам. Ну, ладно, пойду тогда в ЖЭК скандалить насчёт отопления!» «Правильно! Пока будешь ругаться, точно согреешься!» – хохотнул дядя Саша.

Догонись и согрейся.

«Ну как, удалось чего-нибудь добиться в ЖЭКе? Дадут тебе отопление?» – звонит чуть погодя дядя Саша.

«Не знаю, – говорю, – но заявку приняли. А дело было так. Прихожу я в ЖЭК, заглядываю в одну из комнатушек. Там за столом сидит щупленькая взъерошенная женщина в очках. «К кому можно обратиться, если я живу по такому-то адресу?», – спрашиваю я у неё. «Ко мне. Ты насчёт отопления?» «Да, насчёт отопления. Вернее, насчёт его отсутствия. А как Вы догадались? Не доходит тепло до меня что-то». «До семидесяти процентов населения района не доходит. Не одна ты тут такая! – ворчит женщина, – И вообще, послезавтра отопление всё равно отключат, хоть мороз грянь, потому что график у нас. А они всё ходят и ходят!» «Так до послезавтра ещё дожить надо, – смиренно поясняю, – а ночами спать очень холодно!» «Послушай, я тебе удивляюсь! Спать ей холодно! Оденься потеплее, рюмку

водки махни, в два одеяла завернись и спи – сопи в две дырочки. Ясно?» «Ясно. Значит, не будете Вы ничего делать? – приуныла я и поплелась к выходу, – Надо, наверное, жаловаться кому-то, но я так устала от всего этого, да и не люблю ругаться ни с кем». «Да приняла я твою заявку, приняла! Нервные все стали, слова не скажи!» – понеслось мне вдогонку. Поговорили. «Понятно, – смеётся дядя Саша, – сегодня суббота, завтра – воскресенье. Вряд ли кто-то что-то делать будет. Ладно, пойдём, я тебе ещё один обогреватель выдам, раскопал сегодня в своих завалах».

И тортик!

У сына день рождения. Звонит Александр Андреевич, сильно обеспокоенный за меня: «Лен! Я даже не представляю, как ты справишься с подготовкой к празднику! Но я согласен помочь тебе всеми силами!» «И как же Вы собираетесь мне помогать?» – спрашиваю, приблизительно уже зная ответ. «Я могу тебе помочь порезать колбасу... и...» «И...?» «И тортик!»

Обретение ёлки.

Сбежав в магазин и купив свёклу, сварила-таки ея. Мыслями же, по-прежнему, витаю вокруг несуществующей, но уже очень материальной в моём воображении нарядной пушистой новогодней ёлки... А времени двадцать один час уже.

Звонок телефона. Серёга – сантехник, в своей обычной манере ослика Иа: «Алё, Лен. Привет... С Наступающим тебя...» «Что случилось, Серёга?» Просто на такое печальное

«с Наступающим» другого ответа-вопроса не возникает. «Да тут такое дело... Сашка-то, сокамерник мой (это он про соседа по комнате в общежитии) уехал к родственникам в Рязань на все праздники. Ну а я..это... друга к себе позвал... это... Новый год, значит, отмечать...» «Так! Серёжа! – говорю я нервно, – Не тяни резину! С другом что-то случилось? Выпил лишнего? Скорую вызвать? Что стряслось, говори уже!!!» «Не-е-ет, Лен, с другом всё в порядке... Он перепил, конечно, но жив-здоров... Вон, на сашкиной кровати спит-отдыхает... А вот что мне с ёлкой делать-то?» «С какой ёлкой?» – уже совсем ничего не понимаю я. «Да друг, понимаешь ты, не один пришел..., с ёлкой... А у нас с Сашкой комната маленькая, и ёлку мы ещё позавчера поставили, вторую некуда пристроить. Я чего подумал – может, у тебя ёлки нету, к примеру?» «Ты ж рыба моя дорогая! – возопила я, – Нету ёлки! То есть, благодаря тебе, теперь уже есть!» «Так, это..., чего, нести?» «Кого?» «Да ёлку-то?» «А! Ну, да, конечно, неси!»

Очень надо согреться.

Про обрётённую мной неожиданно большую пушистую ёлку за пару часов до наступления Нового года я вам рассказывала. Но вот странное дело – ёлки с тех пор стали меня буквально преследовать повсюду, причём – всех видов, мастей и модификаций. То есть, я их стала повсюду находить, и все мне их пытаются подарить. И настоящие, и искусственные, и ветки. Уже не знаю, куда мне от них деваться. «Дядь Саш, –

говорю я своему бессменному спутнику в прогулках Александру Андреевичу, – как ты думаешь, а можно Мироздание на что-то другое, кроме ёлок, перенаправить? Тебе вот, к примеру, что необходимо?» «Мне, Ленка, ботинки зимние необходимы. Потому что вот эти, которые на мне, разваливаются на глазах, и я в них мёрзну очень. Мне бы согреться!». «Отлично! Уважаемое Мироздание! – воздеваю руки к небесам, – Подари дядь Саше ботинки, плиз! Ему очень надо согреться! А ёлок не нужно больше, спасибо большое! Александр Андреевич, а может, мы в храме про ботинки спросим? Туда часто приносят одежду и обувь». «Давай, идея хорошая, – воодушевился дядя Саша, – только зайдём по дороге в пункт приёма металла, я им моток алюминиевой проволоки сдам». Ладно, пришли в этот пункт, там ещё и стоянка для автомобилей, дядя Саша пошел искать приёмщика, а я осталась у входа. Вдруг из будки охраны вываливаются три развеселых мужика и радостно возвещают: «Девушка! Вы просто обязаны с нами выпить коньячку!» «Нет, – говорю, – парни, – я с недавнего времени не пью». Но аргумент этот не прокатывает, и, во избежание конфликта, я даю дёру. «Дядь Саш, я пока в храм пойду, а ты подтягивайся следом», – говорю по телефону Александру Андреевичу и иду к церкви. Поставила свечи, помолилась, приходит дядя Саша. Уже тёпленький. Ведёт его из стороны в сторону, как моряка, после долгого плаванья вышедшего на берег. «Что, – говорю, – согрелись уже в компании охранников?» «И отку-

да ты, Ленка, всегда сразу понимаешь, что я выпимши? – удивляется сердешный. А сам лыка не вяжет, – Ну, согрелся я немножко... наполовину». В общем, ботинок мы в храме не получили, пошли обратно домой. И тут возле помоечки видим пакеты с обувью. Обуви много, всех размеров и видов. В том числе – и дядь Сашиного размера (а у него сорок седьмой, совсем не ходовой). Вынимаю ботинок: «Вот, правый нашла, сейчас второй достанем – и Вы будете при обуви!» Вытряхиваем всё из пакетов... и тут понимаем, что обувь вся – по одной штуке, на правую ногу... Упс. «И что это всё значит?» – спрашивает меня недоумевающий дядя Саша. «Н-н-ну, наверное, что Вы наполовину-то уже согрелись... А это вот вторая половина тепла, – отвечаю, уже в процессе произнесения этой фразы понимая, что юмор мой неуместен, – но Вы не переживайте так, – добавляю, видя, что глаза дяди Саши начинают бешено вращаться, и сам он закипает, как вода в чайнике, стоящем на огне, – Вы постарайтесь увидеть в произошедшем что-то хорошее!» «И что же это?» – цедит сквозь зубы Александр Андреевич. «Ну, может быть, то, что у Вас две ноги, а не одна».

Ежедневник волшебницы.

Проваландавшись полдня, всё-таки, отправились сегодня с Александром Андреевичем получать мой ИНН. Долго ждали электричку до Курского вокзала. Дядя Саша был не в духе. Чтобы унять его ворчание, стала загадывать ему загадки, которых набралась в последние дни, смотря подряд множе-

ство выпусков одной популярной познавательной телепередачи. Дядя Саша на некоторое время отвлѣкся от мрачных мыслей. Приехали на Курский вокзал. «Эх, – говорю, – сейчас опять попадѣм на ветродуй на Земляном валу, а у меня шапка холодная, да под неё ещё и поддувает. Мне бы такую, с ушками, и не дороже двухсот рублей. Потому что в кошельке у меня только двести рублей с мелочью». «И не надейся, – ворчит Александр Андреевич, – сейчас за двести рублей никто даже не чихнѣт в твою сторону, не то что – шапку тебе продать!» Буквально через несколько метров в здании вокзала натыкаемся на магазинчик, в котором одна (последняя) шапка имеется нужного мне цвета и с ушками. За двести рублей. Ладно, идѣм дальше, дядя Саша сопит напряжѣнно – мол, что ещё я там ему приготовила за сюрпризы сегодня? Выходим на Земляной вал, видим магазинчик букинистический, я говорю: «Может, зайдѣм?» Заходим, а там... море всяких книжек замечательных и ещё всякой всячины. Пока дядя Саша погрузился в изучение всякой всячины, я присмотрела одну книжку. И так мне захотелось её купить! «Вот, – говорю, – Александр Андреевич, – так мне хочется купить эту книжку, а денег осталось пятнадцать рублей всего!» «Ну и поставь книжку на место!» – бубнит дядя Саша. «Пойду, всё-таки, спрошу, сколько она стоит», – не сдаюсь я. «Сколько стоит эта книжка?» – спрашиваю у кассира. «Сейчас посмотрим, у наших книг цена на первой странице всегда написана, – любезно отвечает кассир, – вот, смотри-

те – пятнадцать рублей». Вот такие чудеса. А книжка не простая. Слева в ней сказка, а справа – листок разлинованный, на котором надо записывать, сколько счастливых событий случилось с тобой за день. Ежедневник для Волшебницы, да и только.

Встречают по одежке.

Мой друг Александр Андреевич одевается очень... м-м-м... экстравагантно. Но я к этому привыкла и не обращаю внимания на его внешний вид. Да и вообще – мне важнее, что у человека за душой. Я редко рассматриваю людей с точки зрения – что на них надето (несмотря на то, что по профессии я – художник-модельер, а, может быть, именно поэтому). Вчера позвала дядю Сашу с собой в забег по инстанциям, чтобы одной не скучать. Одет он был, как обычно – длинное чёрное пальто, из-под которого торчали заляпанные масляной краской штаны, на ногах – нечто вроде лаптей, только из замши (этакие зимние мокасины сорок седьмого размера при росте сто семьдесят сантиметров), ну и довершала картину шапочка, торчащая вверх колпаком, ну а усы, седая бородёнка и сверлящий взгляд – это само собой. В общем, Шишок да и только. Зашли мы, значит, в налоговую инспекцию, там анкету заполнили, разные справки отдали, и вдруг я вижу своего бывшего сотрудника. Я метнулась к нему радостно: «О! Максим! Привет!» А он как-то так опешил, со стула встал и слегка попятился, глядя поверх меня (парень высокий). «Не узнал, наверное, – подумала я, –

а ведь два года вместе проработали». «Ты меня, наверное, не узнал? Мы работали вместе, – говорю, – Как твои дела?» «Почему не узнал? Узнал, – бормочет Макс, – А дела мои прекрасно, как же ещё-то? Здравсьте...» – последнее – это он Александру Андреевичу, подошедшему к нам, адресовал.

«Ну, пока». «Пока». «Что-то мне личность этого кренделя знакомой показалась!» – говорит дядя Саша. «Конечно! Это же актёр Максим Л. Вы его в фильмах или сериалах видеть могли много раз», – отвечаю я. «А чего это он на тебя так смотрел странно? Как на призрака или диковину какую заморскую?» «А Вы уверены, что на меня?» – смеюсь я, теперь уже с точки зрения обычного человека обозревая внешний вид своего спутника.

Вечного двигателя не существует.

На «четырёх лавках» появился новый персонаж – Игорёк. Он работает... (блин, забыла, кем и где он работает). Суть в том, что ему по его службе не хватает знаний по физике, полученных (вернее, пропущенных мимо ушей) в школе. И Игорёк попросил Александра Андреевича позаниматься с ним. Дядя Саша охотно согласился. «Я даже прямо сейчас могу провести короткий вводный урок!» – сказал он. Игорёк обрадовался. «Вечного двигателя не существует! – провозгласил важно дядя Саша, – Всё! Конец вводного урока!»

Вещие сны Александра Андреевича.

Звонит с утра дядя Саша, весь такой взволнованный: «Ленк! Я начал видеть вещие сны!» «Да Вы что?» «Пред-

ставь, сплю я сегодня и вижу сон, будто захотелось мне в туалет. Я выхожу из комнаты и иду по коридору в нужном мне направлении, но тут из своей комнаты выбегает моя соседка Вера и, опередив меня, занимает „кабинет“. Просыпаюсь и чувствую – точно, надо идти. Выхожу в коридор... Ну и дальше всё в точности как во сне, – выбегает Вера, обгоняет меня... и так далее! Несомненно, это был вещий сон!» «Да, – говорю, – чудеса! И это только начало, дядя Саша. Так что готовьтесь к новым сюрпризам подсознания!»

Танцуют все!

«Дядь Саш! – говорю я, – А что, если нам в переходе начать выступать? Я петь буду, Ваш сын на саксофоне играть, а Вы... со шляпой ходить и деньги собирать. А?» «В целом идея неплохая, – отвечает Александр Андреевич, – только надо немного сместить акценты». «Это как?» «А так, что петь, как раз, буду я, а ты со шляпой ходить..., а лучше – танцевать. Так больше заработаем». «Это почему?» «Озвучиваю свой бизнес-план. Если, Ленка, петь будешь ты, то народ сразу за водкой побежит, и все деньги потратит, а нам ничего не останется. Уж больно ты жалостливо поёшь». «А что будет, если Вы запоёте?» «А что ты мне обычно говоришь, когда я петь начинаю?» «Чтобы прекратили немедленно, уж простите меня», – отвечаю. «Во-о-о-от! Твою просьбу я всякий раз выполняю. Причём, абсолютно бесплатно. А для других, извините, у меня определённый тариф есть!»

День святого Валентина.

День Святого Валентина мой друг Александр Андреевич провёл с пользой и удовольствием. Он поднялся ни свет, ни заря, выкушал рюмку водки, после чего неспешно обошёл район, насобирал более сотни банок из-под пива и прочих напитков, сдал их в пункт приёма вторсырья и выручил за это целых сто пятьдесят рублёв. Ничтоже сумняшеся он позвонил мне и пригласил отобедать в близлежащей столовой (такие ещё существуют), где мы откушали на брудершафт щавелевого супа, опосля чего приняли решение мирового значения – разобрать-таки новогоднюю ёлку, до сей поры стоящую у меня в квартире. Что и проделали с успехом. Всем любви.

То ли комедия, то ли фарс.

В квартире под раковиной на кухне отвалился сливной шланг. Позвонила Александру Андреевичу. У него телефон плохо работает, ничего не слышно толком. Пошла к нему сама. Захожу, обрисовываю ситуацию, он уходит в свою комнату, чтобы переодеться. Вдруг слышу из комнаты его соседки Веры Дмитриевны громкий залиvistый смех, потом ещё, и ещё. Вышел дядя Саша, я его спрашиваю: «Вера Дмитриевна что, по телевизору комедию смотрит? Так залиvistо смеётся!» «В каком-то смысле – да, – отвечает Александр Андреевич, – она смотрит пресс-конференцию нашего президента».

Двадцать третье февраля в честь восьмого марта.

Не знаю как вас, а меня уже с утра поздравили с праздни-

КОМ.

Звонит Александр Андреевич и говорит: «Лен! Приходи к „четырёх лавкам“. У меня для тебя подарочек есть!» «Это в честь чего же?» – спрашиваю. «В честь восьмого марта, конечно!» «Дядь Саш, а ты ничего не напутал? Сегодня двадцать третье февраля! Вроде как, я тебя поздравлять должна». «Лен, понимаешь, я вот сейчас нашел ЭТО, а завтра ОНО опять в моих комнатных завалах затеряется. Так что ты сейчас забери». Ну, ладно, прихожу, вручает мне пакетик красивый. Дома посмотрела, а в нём – мраморный бюстик писателя Островского. Что ж, вещь в хозяйстве, без сомнения, полезная.

Ёлки-палки.

«И вот совершенно напрасно ты боялась, Ленка, выбрасывая в день Святого Валентина новогоднюю ёлку, что над тобой все прохожие будут смеяться, – разглагольствует дядя Саша, пока мы принимаем солнечные ванны, сидя на „четырёх лавках“ майским тёплым днём, – есть люди, которые только сегодня ёлку выбросили, сам видел. И что-то мне подсказывает, что у кого-то она ещё стоит, нарядная, дома».

Беседы с лесовиком.

«Лен! – звонит вчера дядя Саша, – Привет! Как настроение?» «Настроение ужасное, – бурчу, – на диету сесть решила». «Пойдём в парк костёр разводить. Тебе надо сжечь негатив». Сказано – сделано. Александр Андреевич по дороге каких-то досок набрал, ещё у него вода с собой в пя-

тилитровой канистре, в общем – тяжёлая сумка на колёсах. Зашли в парк. Свернули к нашей полянке. «Лен, ты постой тут с моей тележкой пять минут, – говорит дядя Саша, – я здесь недалеко припрятал уголь, который у нас с прошлого раза остался, сейчас его прихвачу, и мы дальше пойдём». Я молча киваю, хотя понимаю, что дядь сашины пять минут – это минут тридцать, как минимум. Ну вот, слоняюсь по тропинке туда-сюда, вдруг из кустов мужчина выходит, импозантный такой. «Не подскажите ли, – спрашивает вежливо, – где тут у вас в парке приют для собак?» «Вон в той стороне, вроде бы», – машу рукой туда, где, помнится, было что-то подобное. «Спасибо», – откланивается и удаляется. Слоняюсь дальше, нюхаю цветочки. «А Вы знаете, – слышу вдруг из-за спины голос, – что это за растение? Это донник. Чувствуете аромат? Повесьте букетик у себя на балконе, будет всегда очень приятно пахнуть». Оборачиваюсь – дедусик с бородкой, ростиком невысокий, с хитренькими такими выцветшими голубыми глазками. «А вот рядом с донником – череда, – продолжает свою лекцию дед, – но её уже поздно собирать, надо было в июне, до того, как зацветёт». Поболтали ещё немного. Дяди Саши всё нет. «Вы не знаете, где тут в парке приют для собак?» – интересуюсь у всезнающего дедушки. «О-о-о! Вспомнили! – смеётся он, – Этот приют шесть лет назад закрыли. Теперь в другом месте находится». «Значит, я мужчину, который у меня дорогу спрашивал, не туда отправила», – понурилась я. «Так ничего, про-

гуляется. Давно, небось, в парке не был. А как найти приют по новому адресу я мужчине этому сейчас расскажу, когда обратно будет идти». «А почему Вы решили, что он обратно этой же тропинкой пойдёт? Может, вообще в другую сторону отправится». «Этой, этой», – хитро щурится дед. «Интересно, зачем ему приют этот? Собаку взять хочет? У него вид обеспеченного человека, любую собаку породистую купить может», – размышляю вслух. «У него, наверное, умерла собака, вот он корм, который остался, и хочет отдать приюту», – отвечает дед. Тут мужчина обратно идёт. «Простите, – говорю, – сбила я Вас с толку, не туда направила, приюта нет уже давно». «Ничего, – улыбается тот, – хоть прогулялся в кои-то веки». «Приют теперь в другом месте. Я Вам всё сейчас подробненько объясню», – встревает дед. Говорит адрес, потом мужчина прощается и уходит. «А зачем Вам приют-то этот?» – кричу вслед. «У меня собака умерла недавно. Хочу корм отдать, который остался». Ничего себе, дед какой провидец! Да, но где же Александр Андреевич? И тут вижу его идущим по тропинке. Ну наконец-то. «Сейчас я Вас со своим другом Александром Андреевичем познакомлю», – говорю дедушке. Оборачиваюсь, а его и след простыл. «Лен! Ты с кем там разговариваешь?» – спрашивает дядя Саша. «Не знаю, думала, что с дедушкой обычным, но, видимо, с лесовиком», – отвечаю задумчиво. «А букет это он для тебя на пеньке оставил?» – смеётся мой друг. «Ой, да, – замечаю я лежащий букет, – он. Это донник. Чувству-

ешь аромат? Повешу на балконе, будет приятный запах круглый год».

Почему француженкам не нужна диета.

Взялись мы с дядей Сашей костёр разжигать. Дядя Саша книжицу какую-то достал из сумки, говорит: «Ну, что ж поделаться? Если ты, Ленка, теперь на диете, то тебе эта книга не пригодится. Я её тебе в подарок нёс, а теперь используем её для розжига. В качестве бумаги, так сказать». «Стойте-стойте, – выхватываю книжку из рук Александра Андреевича, – дайте хоть взглянуть на подарок!» Смотрю, а на обложке написано «Почему француженкам не нужна диета». «Лен, – юлит дядя Саша, – может, ну её, эту твою диету? Ты когда голодная, такая злая!» «Тут написано, – говорю я, бегло пролистав книжицу, что надо стараться жить, как француженки. Но так жить можно только во Франции!» «Тоже мне проблема! – восклицает Александр Андреевич, – вот ты, Лен, как свою квартиру прозвала?» (Надо же, помнит!) «Барселона, а что?» «А что тебе мешает... на время... переименовать её в Париж?».

Большое овощное рагу счастья.

«Лен, – снова звонок от Александра Андреевича, – приходи на „четыре лавки“, я тут овощей припас, может, ты борщ сваришь?» «Борщ?» «Ну, да. Ко мне сын приедет в гости. Я бы и сам обед приготовил, но ты же знаешь, что в последнее время меня на кухню практически не пускают». «Потому что не надо было свои вещи из коридора в ванну пере-

кладывать. Некоторые люди ванну используют, чтобы мыться», – съязвила я, не удержавшись. «Так ведь они же сами попросили коридор освободить. А в комнате у меня места нет. Вот я и отнёс всё в ванную комнату». «Ладно, сварю я Вам борщ, – говорю я примирительным тоном, – У меня как раз и кусочек мяса есть, и пара картофелин». «Ты что – собираешься в борщ класть картошку?!» – возопил дядя Саша. «Да, а что?» «Ни в коем случае! Я вижу, ты совершенно ничего не знаешь о приготовлении борща! Приходи, я тебе выдам те овощи, которые нужны, и проинструктирую». Прихожу. Выдаёт мне пакет. «Так, что у нас тут?» Капуста, морковь, лук, перец, помидоры и... кабачок... И ни намёка на свёклу... «А Вы уверены, – аккуратно спрашиваю, – что вот именно из вот этого и получится борщ?» «Конечно», – отвечает мой друг. «Ага, – продолжаю столь же осторожно, словно ступая по минному полю, ибо дядя Саша не терпит, когда ему возражают, – а что же, позвольте полюбопытствовать, в Вашем понимании – борщ?» «БОРЩ, Ленка, – ни секунды не промедлив, отвечает Александр Андреевич, – это Большое Овощное Рагу Щастья!» «А-а-а! Тогда у меня это легко получится. Практически из чего угодно! Ну, я пошла готовить». «Из чего угодно не надо! – кричит мне вслед дядя Саша, – надо из того, что я тебе дал! Помни – никакой самодетельности! Капусту, капусту слишком крупно не режь! И если в чём-то засомневаешься, сразу же мне звони, сразу же!»

Пришла я домой и решила почитать в интернете, что же такое борщ, каков классический рецепт? И вот что нашла – «Так нельзя ставить вопрос. Относиться к борщу надо не как к рецепту, а как к процессу творения мира. Рождение Вселенной начинается там, где кончается астрофизика. В самом деле, нельзя же всерьёз думать, что Создатель взял немного молекул водорода и унцию кислорода, горсть железа на гарнир и гелий в качестве соуса. Это как минимум нелепо, даже если всё было именно так. Он просто взял всё – и стало хорошо». А, ну коли так, то дядя Саша попал в точку, и БОРЩ – это Большое Овощное Рагу Щастья. Пойду готовить это волшебное блюдо.

Почти правдивая история.

Просыпаюсь сегодня и вижу, что в телефоне обозначен не отвеченный вызов. От Александра Андреевича. В два часа ночи! Батюшки! Он никогда так поздно не звонит. Может, что-то случилось? Скорее звоню дяде Саше. «Что с Вами? Как Вы там?» «А что со мной? Я потихонечку просыпа-а-а-юсь», – доносятся сладкие потягушки и довольное кряхтение. «А зачем я Вам понадобилась в два часа ночи? Правда, звонка я не слышала. Странно. Потому что я чутко сплю. Но вот у меня тут не отвеченный вызов». «Лен, ну я не знаю. Не звонил я, правда». Какое-то время занималась разными делами, готовила обед. Часов в пять звонок от Александра Андреевича. «Лен! Я тут обнаружил не отвеченный вызов от тебя. Полчаса назад. Ты мне звонила?» «Нет, не звонила».

«Странно, телефон при мне был, звонок я не слышал. А вызов-то – вот он, на дисплее обозначен!» «Ну всё, – говорю, – мы попали!» «Что такое? – насторожился дядя Саша, – Это новый телефонный вирус?» «Да, – говорю, – это вирус. Вирус любви. Наши телефоны вступили в связь. Прочную и порочную. И всё это за нашей спиной. Нашими спинами». «Знаешь что, – возмутился Александр Андреевич, – эта твоя развратная Алкатель моему Сам Сунгу, мастеру кунг фу, не пара. Так что если ещё раз она ему позвонит, то я...» Но тут связь прервалась. Судя по всему, они нас подслушивали.

Любовные приключения Александра Андреевича.

Звонит с утра Александр Андреевич весь на взводе: «Лен! Ты почему вчера трубку не брала? Я обзвонился!» «Ой, простите, я звук в телефоне случайно отключила, только сейчас вспомнила об этом. А что случилось-то?» «Я...я вчера чуть не погиб!!! Мне так нужна была твоя помощь!» Короче говоря, дело в следующем – вышел дядя Саша покурить перед сном, сел на скамеечку во дворе, сидит тихонечко, никому не мешает. Подваливают две нетрезвые крупногабаритные барышни слегка преклонного возраста и давай дядю Сашу, как бы это сказать, – «клеить», в общем. Да так настырно, что в какой-то момент он испугался и хотел позвать меня на выручку. Живо представляю эту картину по рассказу пострадавшего: «Они как начали на меня напирать своими огромными бюстами, как пригвоздили меня к спинке скамейки! Я в какой-то момент почувствовал, что задыхаюсь. И простил-

ся с жизнью! Хорошо, что соседка в окно высунулась и позвала меня. И эти дамочки с меня слезли. Вот где ты была, спрашивается, когда твой друг погибал?» «Да Вы, как погляжу, востребованный мужчина», – не удержалась я от смеха. «Если в тёмном месте меня к тёплой стенке прислонить, то да, – хихикает страдалец, – ладно, собирайся, пойдём в парк шашлыки жарить, я вчера нашёл холодильник, отремонтировал и продал соседям с пятого этажа за четыре тысячи. Так что гуляем!» «Пойдём, – говорю, – тем более, что и повод для праздника имеется – мой сын поступил в колледж!»

Мышиная философия.

Интересные философские беседы вели мы сегодня с дядей Сашей, придя на своё излюбленное место в парке. Типа того, что мы все, люди, – единая материя, и если один накосячил, то все отвечаем за него. У нас была замечательная аудитория. Сначала слушал один мышонок, потом привёл друзей. В итоге, вокруг нас собралось человек шесть мышастых. Видимо, эта тема им близка. Но, скорее всего, главную роль сыграл кусочек сыра, полученный от нас первым мышонком. Видимо, остальные ожидали после прослушивания лекции такого же поощрения.

Несостоявшаяся прогулка.

Ещё с утра обсудили возможность прогуляться днём в парке. После того, как сделаем каждый свои домашние дела. Сейчас звонит дядя Саша: «Ну, всё, я готов. Выходим?» «Дядь Саш, – говорю, – а Вы в окошко смотрели?» «Нет,

у меня к нему подход завален, а что такое?» «Да тут вот у меня под окном, например, бабулю ветром уносит. Она за заборчик схватилась, а дальше продвигаться не может. Думаю – идти ей на выручку или нет? Ой, вон её два парня понесли до подъезда. Ну, слава Богу! Ай! Простите, у меня тут горшок с цветком с окна снесло! Пойду уберу последствия разгрома. В кухне окно со старой рамой, не закрывается до конца, его распахнуло ветром!» «Так что, значит, – не пойдём гулять? – надулся дядя Саша, – я готовился, надеялся...» «А что, Вас на романтику потянуло? Отдаться стихии захотелось? Да Вас же первого унесёт, у Вас же масса тела стремится к нулю!» «Так я тебя затем и зову. Ты будешь моим якорем. Твоя масса тела-то...» «Знаете что! – говорю, – вот при таких комментариях про мою массу тела вообще с Вами больше никуда не пойду!» «А я плов приготовил! Вку-у-усный. Хочешь, принесу?» «Ладно, несите, – сдалась я, – давно ради меня никто подвигов не совершал. Только привяжите себя страховочной верёвкой к двери своего подъезда. От Вас до меня метров сто, наверное? Найдёте верёвку такой длины?» «Обижаешь! Ну, я пошёл!» Может, стоило остановить???

Пребываю в шоке.

«Лен, – звонит Александр Андреевич, – ты чем занимаешься?» «Пытаюсь навести порядок в квартире. Но у меня плохо получается», – отвечаю. «Я у тебя вчера, когда кран чинил, свои очки не оставлял? Не могу найти что-то».

«Нет, – отвечаю всё так же печально, – Ваших очков у меня в доме точно нет». «Завидую тебе, Ленка, ты можешь точно знать, что в твоём доме есть, а чего нету», – ворчит дядя Саша. Ну да, помню тот единственный раз, когда я побывала в гостях у Александра Андреевича. Было это года два назад. Нахожусь под впечатлением до сих пор. И больше туда не хочу. В комнате, кроме стола, кровати и холодильника, всё остальное пространство было заполнено хаотично разными предметами. Там и скороварки, и станина от фабричной швейной машины, одежда, обувь, старые сломанные сканеры и принтеры. Чего там только не было. Но мне стало жаль дядю Сашу, потому что без очков он слеп как крот. «Ладно, – говорю я, – у меня остались от отца его очки для чтения, сейчас принесу». Пришла. А там меня ждал сюрприз. В квартиру меня впустила соседка дяди Саши, Вера Дмитриевна. «Сейчас, – говорит, – он постарается к Вам выбраться». Меня эта фраза слегка насторожила, хотя я уже заметила, что снаружи, возле двери комнаты, навалена гора вещей. То есть, они уже стали вываливаться за пределы очерченного коммунальным бытом пространства. Наконец, вырывается из своей комнаты, явно с боем, дядя Саша, я бросаю взгляд на приоткрытый дверной проём и столбенею. Посередине комнаты, занимая практически всё пространство по горизонтали и по вертикали, висится гора из барахла. Эту гору венчает лестница-стремянка. Такая инсталляция на тему картины «Апофеоз войны». Единственный предмет ме-

бели, ещё оставшийся в живых, это кровать, которая боязливо ютится где-то сбоку, прижавшись к стеночке. «Хорошо, что ты зашла, – говорит Александр Андреевич, – я с тобой как раз посоветоваться хотел, – что из этого, по твоему мнению, надо выбросить?» «М-мне кажется, – говорю, ещё не отмерев от такого зрелища, – что выбросить надо всё!» «Как – всё? Как – всё?» – кричит бедолага. «Хорошо, – говорю, – успокойтесь, давайте выберем. Вот принтеры и сканеры не работающие для начала выбросите». «Ты что? Их же можно разобрать и на металл сдать!» «Тогда сломанные стулья и табуретки». «Но их же можно починить!» «Тогда мешок, полный дверных ручек». «А вдруг их кто-нибудь купит?» Всё ясно. «Ладно, – говорю, – вот Вам очки, потому что Ваши тут искать бесполезно, они бесславно погребены. А мне бежать надо – уборку закончить, обед сыну приготовить. Счастливо оставаться!» «Леночка! – высунулась вдруг из своей комнаты соседка дяди Саши, которая явно слушала из-за двери наш разговор, – если вам надо с Александром Андреевичем ещё пообщаться, Вы можете воспользоваться моей комнатой, что ж Вы в коридоре-то стоите? Заходите. Посидим, выпьем чаю!» «Спасибо, Вера Дмитриевна, – говорю, – надо бежать готовить сыну обед. Но я обязательно ещё зайду». «Да, – подумала, – может, надо было сейчас соглашаться на чаепитие, потому что в следующий раз к двери комнаты Веры Дмитриевны уже тоже будет не подобраться?»

И снова «похороните меня за плинтусом».

Утром звонит дядя Саша: «Лен, давай пойдём погуляем!» «Можно попозже чуть-чуть? – отвечаю, – У меня тут сказка пишется, надо бы не упустить момент!» Время обеда. Звонит дядя Саша снова: «Ну, что, писательница, пойдём пройдемся?» «Ой, вот ещё немного тут отредактирую, и мы обязательно...» Смеркалось. Звонит Александр Андреевич: «Так, это, пойдём гулять-то?» «Да, хорошо, давайте пойдём». Идём, гуляем. Александр Андреевич что-то гневно рассказывает про свои дразги с соседями по поводу коммунальных платежей. С полной выкладкой подробностей и цифр (у него, кроме Веры Дмитриевны, там ещё полно народу в квартире). Я молчу и впитываю вечерний густой воздух. Такой бывает только на юге, у нас – редко. «Лен, ты меня слышишь? Ты где вообще?» – спрашивает дядя Саша. «Понимаете, – отвечаю, – у меня там ведьма Лиза в Париж должна сегодня улетать вместе со своим котом, ещё надо техосмотр метлы сделать и купить коту таблетки от укачивания, а времени на всё – про всё очень мало! Я побегу домой, а?» «Мда-а-а, ну беги», – отвечает несчастный, не выслушанный до конца, страдалец. «Учти, если я умру сегодня от нервного срыва, на кладбище меня не хорони. Просто закопай под деревцем в нашем парке!» – из последних сил пытается он шантажировать меня. «Ладно, – соглашаюсь покорно, мыслями будучи погружена в сюжет своей сказки, – обязательно всё выполню, как Вы сказали». Уходит в недоумении. Занавес.

Самый короткий диалог.

«Лен, а чего ты вчера так взбеленилась-то?» «Нервный срыв случился». «Ну, ты бы хоть предупредила заранее!»

Мама в шоке, девочки – в экстазе.

Последняя неделя ознаменовалась множеством новостей, и как-то всё сразу свалилось на голову. Решила пройтись сегодня с утра пораньше – прогуляться в парке. Дядю Сашу звать не стала. Хотела побыть в одиночестве, поразмыслить, переварить информацию, поступившую так обильно. Ещё ведь и презентация сингла сегодня. Должна была быть. Но продюсер как-то подозрительно затаился. Сказку надо дописать, на конкурс сценариев выдать шедевр... А тут ещё дом наш ломать собираются... А ведь в этом доме – все воспоминания о родителях, последний вздох мамы, почти вся жизнь Афони.

В общем, иду и размышляю, какие крутые перемены меня ожидают... Подхожу к парку, звонок телефона. Александр Андреевич: «Лен, ты где?» «Я вышла прогуляться, подхожу к парку». «Замечательно. Тогда как раз заберёшь меня отсюда. Я тут сплю на первой скамейке на боковой аллее. На той аллее, что ведёт к твоей Поляне танцующих дубов... Что ты молчишь? Не прикидывайся, что не поняла. Ты мимо меня, так или иначе, пойдёшь!» «А..., зачем Вы спите на скамейке?» Подхожу. Вид у дяди Саши помятый. «Да достали меня соседи по коммуналке, – жалуется, – ушёл вчера вечером и всю ночь ходил по парку. В пять утра отрубился на скамей-

ке, проснулся и тебе позвонил». «Ладно, – говорю, – я сейчас до своей полянки дойду, а потом вернусь и отведу Вас домой». До полянки пять минут, обратно – столько же, ну и там ещё пять. Возвращаюсь и вижу «картину маслом» – возле дяди Саши уже восседает некая пожилая дама в розовой панамке, без блузки, в белоснежном кружевном бюстгальтере и голубой штапельной юбке. Волосы мадам окрашены в ярко рыжий. «Вот это номер! – вырывается у меня восклицание, – в нашей стране мужика нельзя оставить ни на минуту одного, сразу женщина рядом нарисуетя и начнёт раздеваться!» «Я тут загораю, – оправдывается престарелая нимфа, – а мужчине помощь нужна, мужчина лежит, утомлённый несовместимыми с жизнью обстоятельствами. А я вот его на телевидение отведу, в соответствующую программу. И пусть ему там помогут. И все его проблемы решат!» Дядя Саша ржёт, зараза. А женщина деловито достаёт блокнот и начинает записывать его анкетные данные. Повторюсь, она не совсем... одета. «Знаете, что, – говорю я, – даю вам пять минут на интервью, а после, извините – нам домой пора!» Дядя Саша продолжает залиvisto хохотать. «Простите, я как-то сразу не сообразила, – извиняется дама, – это Ваша внучка, наверное. Молодёжь сейчас такая нетерпимая и не сочувствует проблемам пожилых людей! Приятно было познакомиться, до свидания!» «А-ха-ха-ха-ха! – заливаается дядя Саша, – Ленка! Ты же мне всю малину подпортила! Дама себе, небось, кавалера искала в моём, слегка помятом, ли-

це. Только вот не пойму – я для неё слишком стар оказался или слишком молод?» «Вы для неё оказались супер-стар, – говорю, – если я, сорокавосемилетняя тётка, по её понятию – ваша внучка».

Это кто здесь такой странный.

Гуляла сегодня в парке, вдруг звонок телефона. Александр Андреевич: «Лен, ты где?» «Я в парке гуляю». «О! Как удачно! Можешь найти для меня какую-нибудь палочку, из которой можно сделать трость или посох? Я ногу повредил, хромаю, требуется подпорка». «Ладно, – говорю, – постараюсь найти». К концу прогулки попалась мне замечательная палочка, практически готовый посох. Взяла её, иду. Вышла из парка и думаю: «Странно, наверное, я смотрюсь с этим посохом». «Не более странно, чем, например, вот этот развесёлый парень», – отвечаю мысленно тут же сама себе, потому что меня обгоняет резвый молодой человек, за спиной у которого висит пухлый рюкзак, а к рюкзаку снаружи приторочены ласты.

Сюрприз от дяди Саши.

«А хорошо бы получить какой-нибудь приятный сюрприз», – подумалось. Тут же звонит телефон. «Выгляни в окно!» – загадочным тоном говорит дядя Саша. Выглядываю – привязывает разноцветные шарики к дереву возле моего дома. «Ленка! Это тебе!» – вопит. Весна, однозначно!

И такое иногда бывает. Случается.

«Лен, – звонит Александр Андреевич. Мне тут сообще-

ли только что – ещё один однокурсник умер у меня. Давай пойдём на воздух, прогуляемся. Тяжело на душе». Вышли. Погуляли немного, заодно райских яблок набрали на варенье. На обратном пути присели на скамеечку на детской площадке. Отдохнуть. На площадке только один мужчина с ребёнком гуляет. Ребёнок с горки хочет скатиться, заметил мой взгляд, погрозил мне пальчиком. «Ему что-то не нравится?» – спрашиваю у мужчины. «Не обращайтесь внимания, у нас в Таджикистане не принято, чтобы женщина на мужчину так открыто смотрела. Особенно, чужая». «А Вы таджик? Вы же блондин с голубыми глазами», – удивляюсь я. «Да, и такое у нас бывает иногда! Случается», – смеётся мужчина. «Простите за вопрос, – продолжает беседу мужчина, – А вы кем друг другу приходитеесь, уважаемые? Мужем и женой или отцом и дочкой?» «Друзьями», – отвечает Александр Андреевич. «А разве такое бывает между женщиной и женщиной?» «Бывает иногда, – смеётся теперь уже дядя Саша, – случается...»

Как научиться жить вечно.

«Ленка! – звонит мне Александр Андреевич, весь такой взволнованный, – беги скорее к моему дому, тут возле по-мойки целую коробку эзотерической литературы выставили! Я знаю, ты интересуешься!» Собралась, пришла. Стоит дядя Саша, поникший весь: «Лен, у меня это... живот скрутило, отлучился домой на пару минут..., и... это, спёрли коробку-то». «Да ладно Вам убиваться, – смеюсь, – значит, не надо

мне было всё это. Ой, смотрите! Книжка одна осталась. Выпала из коробки, наверное. Возьму почитать». Ночь, звоню дяде Саше: «Ну что, почитала я ту книжицу. Пишут авторы, что человек может любую болезнь преодолеть силой воли, может информацию передавать силой мысли на нейронном уровне и ко всему тому – научиться жить вечно». «Ничего себе! – дядя Саша восклицает, – А как это всё делается?» «Сама бы хотела знать, но..., там дальше страницы оторваны...»

Материализация как она есть.

Сегодня проснулась, вышла на балкон – погода такая прекрасная! Так захотелось на прогулку! Дядю Сашу тревожить как-то неудобно – вдруг, он ещё спит? Или уже спит. Оделась, вышла из дома, и пришла на «четыре лавки», во двор дяди Саши. Сижу-дышу. Закрывает глаза, подставила лицо солнышку. Открываю глаза – соседка дяди Саши, Вера Дмитриевна, мимо бежит..., уже пробежала, уже не успеваю поздороваться... Ладно, опять глаза прикрыла, мечтаю. Открываю – родители моей подруги детства идут. То есть, прошли уже, не успеваю их окликнуть. Опять глаза прикрыла, опять открыла – Аллочка, тоже знакомая из дома дяди Саши, тоже мимо... «Чего это они все тут разбегались? – думаю, опять закрывая глаза, – Причём, все мимо меня. Так, надо сосредоточиться и вызвать кого-то мысленно. Но так, чтоб уже не мимо на всех парах проскочил, а прямо ко мне подошёл. Но кого же мне вызвать-то?» «Лен, ты чего тут уже

с полчаса сидишь-маешься?» – слышу до боли знакомый голос. Открываю глаза – передо мной стоит Александр Андреевич. Собственной персоной. «Я не маюсь, – отвечаю, – я материализацией человека занимаюсь. Но пока я думала, кого бы хотела рядом с собой увидеть, Вы уже опередили мою мысль и материализовались. Внепланово, так сказать». «Вообще-то, я тебя просто в окно увидел, – смеётся дядя Саша, – но если уж я тут материализовался, а ты пока никого лучше себе не придумала, то, может, за грибами сходим? После дождика да на солнышке они ой как сейчас повылезут!» И пошли мы за грибами.

Талант не пропьёшь.

«Лен, – звонит мне Александр Андреевич, – я стихотворение написал. Думаю, что гениальное. Вот, послушай!» И продекламировал: «Веры нет, надежды нет, и любовь ушла куда-то...»

«Ну, а дальше-то что?» – спрашиваю я после долгой паузы.

«Это всё, продолжения пока нету».

Сейчас вот села, перечитала... , звоню Александру Андреевичу: «Вы знаете, это даже не одно гениальное стихотворение, а три!»

Главное – не забыть проснуться.

«Вот тебе плов, – вручает мне баночку с неким месивом дядя Саша, – а завтра, готовься, мы, всё-таки, пойдём на про-

гулку в парк. Да, и главное – не забудь...» «Ну, что опять???»
«Не забудь проснуться!»

То ли накаркал, то ли спас.

Пожелание дяди Саши насчёт «проснуться» оказалось пророческим. Поставила варенье на огонь и заснула. Проснулась от стойкого запаха гари, а дым был уже такой, что собственную руку не видеть. Открыла все окна, жду, когда дым рассеется, лопаю прямо из банки нервно то, что дядя Саша принёс накануне (назовём это «плов»). Руками, как и положено брать плов. И думаю: «А ведь могла бы и не проснуться. Какой молодец дядя Саша, что надоумил!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Когда умирают слоны.

Чем мне нравится жизнь? Тем, что когда ты думаешь, что всё уже закончилось, и ничего нового и интересного не случится, внезапно оказывается, что всё только начинается. Чем мне не нравится жизнь? Тем, что когда ты думаешь, что всё только начинается, оно внезапно может закончиться.

Когда умирают слоны.

«А ты знаешь, Ленка, когда умирают слоны?» – спрашивает Александр Андреевич, когда мы совершаем очередной привал на скамеечке на детской площадке по пути домой из супермаркета, куда отправились за сухарями по тридцать рублей за мешок. «Нет», – отвечаю. «Когда у них стираются все зубы. Они тогда уходят в джунгли, прячутся ото всех, ложатся и умирают». «Это Вы сейчас к чему сказали?» – недоумеваю я. «Да зуб болит что-то», – признаётся Дядя Саша. «А слоны, они сколько лет живут?» – спрашиваю. «В среднем – восемьдесят лет. Как люди». «Нет. Люди так долго не живут», – сомневаюсь я. «Вот люди, как раз, так и живут. В Италии, во Франции, в Англии...» «В России-то не живут столько, – говорю, – кто же мы тогда?» «Ну, не слоны точно, – констатирует Александр Андреевич, – но, видимо,

и не люди...».

Душа на месте, где же тело?

Трудный был год. Дядя Саша почти весь его провёл по больницам. Один раз звонит: «Ну что, Ленка, теперь я точно знаю, что душа есть». «Вы что, впадали в кому? – ужаснулась я, – и вышли из тела?» «Да нет, встал на весы, а они, почему-то, показали сорок граммов. Врачи шутят: «Душа пациента на месте. А где же тело?»»

Кто впустил муху?

С дядей Сашей в тот раз обошлось всё. Вернулся он из больницы подлатанный-подлеченный. Всю дорогу до дома молчал, что для него совсем не характерно. Добрались мы до квартиры, зашли в его комнату..., и тут же с порога Александр Андреевич таинственно сообщает мне: «Ленк, комнату во время моего отсутствия явно кто-то открывал!» «Да? И как Вы это поняли?» «У меня в комнате появилась муха! Её же кто-то впустил!» Ну, слава Богу! Со мной всё тот же, мой, привычный дядя Саша!

Аппетит приходит во время еды.

Есть особо не хотелось, но пошла с дядей Сашей в столовую обедать. Пришла домой и чувствую – очень хочется есть.

Формула спелого арбуза.

Дядя Саша грезит об арбузе. Но он боится купить неспелый. «Лен, – говорит мне сегодня мой друг во время прогулки, – я вывел формулу спелого арбуза». «Формулу?» – переспрашиваю я. «Да, формулу. Значит, мы обмеряем арбуз, я вот даже рулетку взял. Длина окружности нам известна. Потом измеряем вес. Вычисляем плотность, делим длину окружности на плотность. И если там получается положительное число, то арбуз спелый. Поняла?» «Не совсем». «Ну, у спелого арбуза плотность меньше, чем у неспелого, поэтому соотношение длины окружности к плотности будет в плюсе». «Дядь Саш, простите, я очень уважаю Ваши методы, но у меня они чуть проще. Вот, смотрите». Тут как раз мы подходим к небольшому овощному магазинчику. Там лежат на прилавке арбузы. Стучу по одному. «Слышите звук? Глухой. Арбуз неспелый. А вот другой звук, звонкий. Значит, арбуз спелый». «Да вы не волнуйтесь, – встречается продавец, – выбирайте, а я кусочек вырежу. И если неспелый, другой арбуз возьмёте». «Ну в-о-о-от, – расстроился дядя Саша, – какие вы все... скучные. Я такую формулу придумал, а вы всё испортили».

Кафе «Гондурас».

Снится мне сон.

«Ну всё, Ленка, открываем у нас в районе кафе под названием «Гондурас», – говорит, довольно потирая ручки, мой друг дядя Саша. «А почему – Гондурас?» Ответ не успела услышать, проснулась.

Смотрю в справочнике – «Гондурас изначально населяли разные племена индейцев, в том числе – ленка».

Ну, ясно теперь. Там, в этом Гондурасе, живёт, оказывается, около ста тысяч ленок. Не поеду туда. Здесь-то я единственная и неповторимая.

Я не цвету, ведь ты меня не поливаешь.

«Дядя Саша, – это полное фиаско, – сообщаю уныло, – я в реальной жизни умею находить общий язык только с растениями, животными и детьми!» «Меня, осмелюсь спросить, к какой категории ты относишь?» – смеётся Александр Андреевич. «Н-н-н-ну-у-у-у...» «Да понял я, понял, – продолжает он, видя мою явную заминку, – но я, Ленка, цвести и плодоносить не обещаю, уж прости. Хотя..., ты же меня и не поливаешь».

Книжка, которой нет.

«Дядя Саша, – звоню я своему другу, – я такую книжку отличную нашла у себя! С упражнениями для укрепления

памяти. Хотите – подарю?» «Тоже мне подарок! – ворчит Александр Андреевич, – Лучше бы ты раздобыла книжку, в которой говорилось, как научиться всё забывать».

Дама с собачкой.

Пошла в магазин за едой. Иду обратно – встречаю бабушку с масенькой собачушкой на руках. Не удержалась и говорю: «Какая собачка у вас симпатичная!» «Да уж, – вещает бабушка, – и тебе, девонька, надо такую завести». «Я думала, – может, сначала замуж выйти, потом уже завести маленькую собачку?» – парирую я. «Э, нет, – не соглашается старушка, – ты чуток попутала порядок действий. Сначала заводишь собачку..., выгуливаешь её... и следом очень скоро выходишь замуж. Поверь моему опыту. Мне восемьдесят один год. Мужей было четверо. Ну и собачек – соответственно. Вот иду гулять с Ричи – пятым». Ричи – так пёсика зовут. И, как я поняла, точно так же звали и четырёх его предшественников. Нового мужа бабушка ищет??? Ничего себе – заводная старушка!

Родить дочку, чтобы получить в подарок попугая.

Пошла в магазин. Здесь пока всё понятно. Вот дальше – сплошные загадки. Возвращаюсь через школьный двор, слышу сзади молодые задорные голоса: «Девушка! Пойдите! Вы

очень красивая, даже наш попугай в вашу сторону улетел». Вы бы что подумали? Ну и вот, я тоже подумала, что это такой молодёжный сленг. Тем не менее, оборачиваюсь. Передо мной три пацана возраста моего сына приблизительно. У одного из них в руках воздушный шарик в виде головы попугая. Самый смелый из пацанов говорит: «Хотите, подарим Вам нашего попугая?» Самый рассудительный: «Не, не Вам, а вашей дочке. Она у Вас ведь такая же красивая, как Вы?» «Нет у меня дочки, только сын», – отвечаю, смеясь. Третий, самый мудрый: «Вы обязательно поскорее должны родить такую же красивую дочку, как Вы. А мы сразу Вам подарим попугая». Стимул, однако. Мне живого попугая предлагали, и то не взяла. Нет, но дочку можно было бы родить. Я – что, я не против. Только – от кого? А со спины, значит, поглядев на меня, парни подумали, что мне двадцать лет??? Ну да, там же копна волос и... дальше всё тоже очень красивое... Набор на все времена. Пора поработать над фасадом. Ну, попугай же нужен мне. И дочка, само собой, тоже нужна.

Ленка и депрессняк. В смысле – дядя Саша и аттракцион неслыханной щедрости.

Звонит дядя Саша: «Пойдём в столовку обедать». «Нет, – говорю, – я хочу остаться в своей депрессии. Хотя бы до завтра. И прошу не мешать мне!» «Ну, ладно, схожу один. А что за повод-то? Для печали». «Ну как – выборы – профанация,

подруге нахамила, краску для бровей нормальную в нашем районе днём с огнём не сыщешь, в вокальном шоу каждый поёт лучше меня, все нормальные мужчины вокруг женаты, смеситель полетел, я есть хочу...» «Постой! Так давай начнём с конца списка решать проблемы. Пойдём в столовку!» «Не пойду никуда, сказала же!»

Через полчаса снова звонок: «Лен, спустись вниз, хотя бы, возьми, я вот тут купил... сыр, помидоры и яйца. Ты же любишь яичницу с помидорами и сыром, – заискивает, – а пока ты ешь, глядишь, все проблемы как-то сами собой отпадут. Ты просто злая всегда, когда голодная. И я... боюсь». «За меня?» «Нет, за себя».

О пользе снов.

Вчера сидим на скамеечке. «Дядя Саша, прикинь, мне приснилось, что я в школе киллеров учусь. В Японии», – говорю я. «А мне тоже Япония снилась, – оживился Александр Андреевич, – как будто бы я в командировке в Японии. И меня там обучают карате. Я ногой бамс, как махнул... И тут проснулся от грохота. Потому что я реально ногой во сне дёрнул так, что задел свой хлам возле кровати. И всё посыпалось на меня. Я тут подумал – надо, всё-таки, выносить что-то из комнаты на помойку. Прямо завтра и начну!» «Давайте-давайте, – говорю, – и смотрите, не передумайте. Помните, что Вы хоть и «каратист», а я-то – «киллер из якуд-

зы».

«Бесстрашный рыцарь» и телефон.

«Надо, всё же, создать чёткий образ суженого и попросить его у Вселенной», – подумала я перед сном и, сладко зевнув, заснула. Недоказанный у небес рыцарь явился-таки довольно быстро. Десять утра, звонок в дверь. Кто бы это мог быть, а? Естественно, дядя Саша. Волосы взъерошены, глаза навывкате, будто, и впрямь, на коне сто вёрст проскакал. По всему видать – у него проблема вселенского масштаба. «Что случилось?» – спрашиваю. «У меня телефон не включается. Вообще!» «А зарядить не пробовали?» «Пробовал. Всё равно, экран тёмный». «А кнопки понажимать?» «Лен, – робко произносит „бесстрашный“ рыцарь, – может, ты сама попробуешь?» Взяла я телефон, воткнула зарядник, телефон начал заряжаться. Нажала какую-то первую приглянувшуюся кнопку, и телефон заработал. «Чудеса! – дядя Саша восклицает, – Ленка, ты волшебница!» «А как же Вы раньше-то телефон включали, когда он разряжался?» – спрашиваю. «А мне его не приходилось включать, я всегда успевал подзарядить, пока он не выключился». «И сколько уже у Вас этот телефон?» «Да уж лет пятнадцать».

Один стакан пей, второй пей, а от третьего откажись.

Поехала в Многофункциональный центр по делам. Заодно, там поблизости зашла в продуктовый магазин. Выхожу, иду через сквер, там дворник подметает. «Здравствуйтесь!» – говорит мне и широко улыбается. «Здрассьти!» – отвечаю, как вежливый человек, вспомнив моего отца, который рассказывал, что когда из деревни в Москву переехал маленьким мальчиком, то поначалу со всеми людьми на улицах здоровался. Пока не устал окончательно. Может, этот дворник такой же? Вы поймите – то, что возле моего дома все дворники (и не только) со мной здороваются – это понятно. Но вот в четырёх автобусных остановках от дома...» Уважаемая, – раздаётся тут, когда я пытаюсь проплыть мимо этого странного человека, – Вы не знаете, какая таблетка помогает от головной боли? У меня голова сильно болит». «Ой, а почему Вы у меня спрашиваете?» «Ну Вы же доктор!» Доктор? «Да нет, с чего Вы взяли-то?» «Вы такой добрый человек, я сразу вижу, что доктор». Хм, для меня это новость! Ну доктор, так доктор – соглашаюсь с предлагаемыми обстоятельствами. «Понимаете, – говорю, напустив на себя важности и мысленно нацепив на нос очки, – голова ведь может болеть по разным причинам. Если от давления – одни таблетки, если от простуды – другие, а если мигрень – третьи! Вам ко врачу в поликлинику бы надо». «Ко врачу пойду через два недели, когда дома буду, в Киргизии. А сейчас что принять?» «Да аспирин, я думаю. Он почти на все случаи годится. Одну таблетку примите. Если не поможет, можно

вторую. А вот больше не надо, это много». «Ну вот, а говоришь – не доктор. Сама-то какую таблетку пьёшь от головной боли?» «У меня от всех болей – физических, а больше – душевных – одно лекарство», – говорю, «сбрасывая с себя белый халат». «Вот», – показываю болтающиеся в сумке две бутылки красного сухого. «Эх, – вздыхает мужчина, – тогда тоже тебе совет дам. Когда душа заболит, один стакан пей, не поможет – второй выпей, а третий не пей. Это много».

День рождения.

Отметила день рождения очень душевно. Правда, собирались мы выйти в парк на шашлыки в двенадцать часов дня, а вышли в четыре, но с точки зрения Космоса это ничтожная погрешность во времени. Сначала Серёга, мой давний приятель по музыкальной компании, где-то застрял, потом дядя Саша ходил два часа за мясом – за это время уже мамонта можно было убить и разделать... Короче говоря, только вышли, ливануло. Но когда дошли, закончилось. Потом было душевно, кострово, шашлычно и беседово. Потеряли счёт времени. В какой-то момент поняли, что домой вернуться, всё же, надобно. Темень – глаз коли. Выбрались из дебрей, пошли по домам. Дома, наконец, глянула в телефон – там куча не отвеченных вызовов и досадливое послание от сына пожилого ловеласа Василия: «Папа ждал встречи весь вечер. Как пришёл с работы, сразу переоделся в парадный костюм,

и так и спать лёг, не раздеваясь. Цветы и конфеты я подарил дочке, уж простите». И тут я вспомнила!!! Я же обещала ловеласу Василию чаепитие. Но он уже вышел на работу. Заканчивается его трудовой будень в семнадцать часов. А мы как думали – с двенадцати и на часок-другой в парк на шашлыки, а после – чаепитие у меня дома. Но вышло как всегда – ночь, улица, нет фонаря, аптека... закрыта. И ловелас Василий спит в костюме. Как неудобно получилось!

Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик.

«Парни! – провозгласил Серёга из темноты, куда он удалялся собрать ещё дровишек для костра, – не пора ли потихоньку налаживаться домой?» Парни? – Переглянулись мы с дядей Сашей. «Ещё можно в себе что-то изменить, – задалась я вопросом, – или уже поздняк метаться?» Дядя Саша лишь громогласно заржал в ответ на мои мысли. «Лен, – шепнул потом заговорщически мне на ухо, – ты присмотришь к Серёге. Ему с тобой хорошо». Ну он же не знает, что мы с Серёгой ещё лет двадцать назад всё по этой части выяснили. И остались друзьями.

Нечто подобное.

Сосед вчера звонит в дверь: «Лен, одолжи двести рублей». «Держи, – говорю, – у меня недавно день рождения был,

я добрая». «С тебя подарок», – в шутку добавляю. «А что ты хочешь в подарок?» – деловито уточняет сосед. «Я, если честно, браслетик серебряный хочу, – отвечаю, – но это, Макс, тебе не по карману». «Погоди-погоди. Я думаю, у меня есть что-то подобное». И резво убегает. Через минуту возвращается и несёт огромный арбуз и копчёную рыбину. Подобное???

Опять двадцать пять – за рыбу деньги.

Раннее утро. Звонок в дверь. Сосед мой. И прямо с порога: «Лен! Я детей хочу!» «Ма-а-акс, – осторожненько так отвечаю, – ты успокойся. Насчёт „денег взаймы“ – это я всегда пожалуйста, а вот про детей – я как-то не готова...» «Да ты не поняла! Я хочу, чтобы моя жена мне родила ребёнка. А она не хочет! А про деньги – на вот, кстати, я тебе же уже тыщу должен в совокупности. Вот, возьми!» Отлично. Собираюсь закрыть дверь. «Лен, можно я тебе расскажу свою историю? Про нас с женой», – не уходит сосед. «Только за ещё одну копчёную рыбу!» – шучу я. «Да! Конечно! И ещё есть замороженная, тоже принесу, пожаришь». «Ладно, проходи!» Ну вот я и начала не просто работать службой доверия, но ещё и зарабатывать себе этим на пропитание.

«И тебя жалко, и бабушку с дедушкой, а больше всех –

саму себя» (из какого-то мультика).

История же соседа моего такова. Он из деревни, где, как говорится, «родился, учился и женился». И родилась дочка. Всё бы хорошо, но однажды жену убили, а Максима подозревали, но выпустили в итоге, найдя настоящих убийц. И сбежал Макс на заработки в Москву, оставив дочь со своей матерью. В Москве живёт его отец со второй супругой. Он поначалу сына к себе взял жить, работу ему помог найти. А по соседству жила женщина, Алёна. И случилась у них с Максом какая-то запредельная любовь. Поженились они. Сняли квартиру отдельную. Кота огромного завели... Семь лет живут душа в душу. На рыбалку вместе летом ездят (дада, та самая пресловутая рыба копчёная – это они вместе ловят и коптят). Всё свободное время они проводят вместе. Но вот только не хочет Алёна детей. А не хочет потому, что работает она... акушеркой в роддоме. Насмотрелась, так сказать, на все «радости» родов. И повернуло у неё мозги в сторону от материнства. Нет, не просто в сторону, а до полнейшего отторжения, до тошноты. Максиму уже под сорок, а его жене тридцать три года. Ну, возраст ещё не критический. У меня вон подруга в пятьдесят родила первенца.

«Знаешь что, Максим, – говорю, выслушав его историю, – я тебе советовать не вправе, но, может быть, Бог не даёт тебе второго ребёнка, потому что ты первого фактически бросил. Может... тебе забрать дочку к себе? Они ведь знакомы

с Алёной, приезжала дочка в гости?» «Да, знакомы. Катя постоянно на каникулы приезжает к нам. Очень хорошо поладили с Алёной. Они лучшие подружки прямо». «Так вот я и думаю – может, возьмёте её к себе? Алёна увидит, что ребёнок приносит и радость, а не только страдание при родах. И оно того стоит». «Так-то оно так. А мама моя с кем останется? Она старенькая уже». «А если и маму забрать к себе?» – раздухарилась я. Ну, конечно, – чужую беду рукой разведу. «Да ты что! Она не поедет! У неё там хозяйство – куры, гуси, коза...» Да-а-а, не знаю я, что в таком случае посоветовать соседу моему. Да он совета и не просил. Просто хотел, чтобы его выслушали. А это я всегда пожалуйста. Тем более, за копчёную-то рыбу. А если серьёзно, я очень сочувствую и ему, и жене его, и маме, и особенно – дочке. Ну и себе, конечно. Себе, само собой, – больше всех.

А дура круглая? Тогда беру!

«Привет, – голос в телефонной трубке, – я позвонил напомнить тебе, как ты жестоко со мной поступила!» Ага, пожилой ловелас Василий проявился. «Уже-уже, – отвечаю, – растёт во мне огромное чувство вины! Вас это возбуждает, я так понимаю». «Понятливая, – урчит Василий, – не ездила ли в пионерский лагерь от райкома комсомола, где я был вожатым?» «Нет, – обламываю „парня“, – бывала только один раз в спортивном лагере, но сбежала через пять дней,

поскольку успела за это время чуть не утонуть в пруду, пока вожатая обжималась со штангистом, потом меня намазали зубной пастой, пока я спала, украли мой чемодан с вещами, заставили бегать по лесу ночью, видела, как девочка из старшей группы пила на спор одеколон..., но это так, мелочи...»

«А что же главное?» «Главное то, что лагерь располагался на территории кладбища. Очень неприятно было всякий раз, ложась спать, видеть торчащие в окно кресты (вот же выпало мне спальное место у окошка)». «Ну-у-у-у, – гундит Василий, – в свете открывшихся обстоятельств ты прощена. Сама ведь одеколон не пила, а наговариваешь на себя – вино и мужчины, мол, моя атмосфера...» «Так я проверяю – кто не сбежал после моих откровений, тот и настоящий друг». «Я так и понял. То есть, ты не просто дура, а круглая дура. Мне подходит, беру».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.